

МИХАИЛ МИХЕЕВ
КРЕПОСТЬ

Михаил Александрович Михеев
Крепость
Серия «Наши там (Центрполиграф)»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9811521
М. А. Михеев. Крепость: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05641-2*

Аннотация

Может ли далекое прошлое повлиять на судьбу космической цивилизации? А двух? А целой галактики? Как оказалось, в теории возможно и не такое, главное, чтобы предки оказались не менее храбры, чем потомки. И вот сквозь шторм и вражеские снаряды лучший крейсер Российской империи идет к тому, для чего он предназначен, — к победе, и адмиралу на его мостике предстоит доказать, что русские моряки славны не только выдающимися бородами, но и талантами флотоводцев. Вот только... хватит ли этого?

Содержание

Крепость «Мир», база военно-космического флота Земной Федерации, дальний космос	5
Российская империя. 1913 год. Севастополь	51
Малый Алтай. Научно-исследовательская база.	74
Центр темпоральной связи	
Российская империя. 1913 год. Санкт-Петербург	77
Малый Алтай. Научно-исследовательская база.	83
Центр темпоральной связи	
Российская империя. 1913 год. Балтийское море	85
Конец ознакомительного фрагмента.	102

М. А. Михеев

Крепость

*«Самоубийца!» – слышу за спиной.
Но знаете, на том, на этом свете ли
Я не вступаю в безнадежный бой.
Там выход был. Вы просто не заметили.*

Альвар. Безнадежный бой

© Михеев М. А., 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Крепость «Мир», база военно-космического флота Земной Федерации, дальний космос

– Итак, мы проиграли. – Адмирал Титов резко встал с кресла и прошелся по боевой рубке. Пожалуй, его паршивое настроение сейчас выражалось лишь в излишне резких движениях, хотя больше всего адмиралу хотелось молотить кулаками по чему попало и бегать по стенкам, благо низкая, всего в треть стандартной, сила тяжести позволяла. Но – не положено, адмиралам, равно как и генералам, нельзя бегать, ибо в мирное время это вызывает смех, а в военное – панику. Истина старая, но не утратившая своей актуальности, а потому Титов усилием воли заставлял себя при любых обстоятельствах сохранять бесстрастное выражение лица. – У кого-нибудь есть идеи?

Идей, что характерно, не было. Присутствующие в центре управления офицеры более всего напоминали стадо баранов, что в общем-то и немудрено. На заштатную базу редко когда посылают лучших, и в этом смысле крепость «Мир» была классическим примером негативного отбора. Синекура, где дослуживали до пенсии майоры, которые никогда не дорастут до полковников, проштрафившиеся матросы и прочий бесперспективный народ. И если матросов можно было за-

ставить ходить строем, а молодых лейтенантов без перспектив, но с амбициями натаскать до приемлемого уровня постоянными тренировками, то что прикажете делать с заместителем по воспитательной работе, который не просыхает месяцами? Или с главартом, который второй год не может настроить систему управления огнем противометеоритных батарей, в результате чего вместо плотного огневого заслона получается жиденькая, дырявая и перепутанная сеть? Разве что списать их к чертовой матери и дожидаться, когда пришлют других, может быть, еще худших, да вдобавок незнакомых с местными условиями. Вот и приходилось Титову постепенно замыкать все функции на себя, проклиная сутки, в которых всего двадцать четыре часа. А ведь еще надо выкраивать пару часиков, чтобы хоть немного поспать...

Впрочем, и сам адмирал был не без грешка. В его личном деле, и он это прекрасно знал, имелась пометка «неблагонадежен». В общем-то ничего особенного, такими штампами могут похвастаться многие, другое обидно. В отличие от большинства таким украшением личное дело адмирала обзавелось не из-за его скверного характера. В конце концов, среди боевых офицеров ершистых и наглых хватает, они свои погоны заработали в сражениях, и, в отличие от кабинетных деятелей, не боялись ни бога, ни черта. Именно поэтому, кстати, в их среде и возникали частенько разговоры в стиле «И чем же наш адмирал хуже президента, а начальник штаба – премьер-министра?». Впрочем, из стадии разгово-

ров подобное выходило редко, все же служба безопасности ела свой хлеб не зря. И естественно, «неблагонадежен» в подобной ситуации – обычное дело, даже карьере практически не мешает, лишь привлекает к обладателю повышенное внимание спецслужб.

Однако в данном случае штамп стоял даже не из-за презрения к не нюхавшему космоса флотскому командованию. Нет, презрение-то как раз было, да у кого его нет, если в верхах должности уже вечность передаются по наследству, а то и вовсе покупаются. Но конкретно сейчас причина была совсем иной и куда более серьезной – происхождение. Род Титовых корнями уходил в Малый Алтай, одну из планет, известных своими сепаратистскими настроениями. В свое время коалиция Малого Алтая, Петербурга-на-Веге и Петропавловска-Дальнего до последнего сопротивлялась вхождению в Федерацию, и принудили их к этому ценой больших затрат и еще большей крови. Конечно, прошло много лет, но на тех планетах все еще помнили о тех днях, и военнослужащие с тех миров – а это была далеко не худшая часть офицерского корпуса и первоклассные солдаты – так и считались потенциальными бунтовщиками. Соответственно и зажимали их постоянно. Вот только Титов, как его ни пытались затормозить на карьерной лестнице, все равно пробивался, раз за разом вытворяя такое, от чего штабные теоретики в ужасе закатывали глаза, а общественное мнение, которое никто еще не отменял, дружно рукоплескало. Потому, несмотря ни

на что, взлет Титова был стремительней ракеты, а число оттоптаных при этом ног превышало все мыслимые пределы. И в конце концов прославившегося лихими рейдами возмутителя спокойствия запихали в эту дыру, резонно предположив, что, сидя в заднице мира, славы не заработаешь. А общественное мнение – оно себе живо нового героя найдет.

Так и вышло, за исключением разве что того факта, что благодаря той самой удаленности от центра, в котором кипит жизнь, Титов остался жив и теперь мог с безопасного расстояния наблюдать, как флот толланов с неумолимостью асфальтового катка давит остатки немногочисленных эскадр Федерации. И хотя умом адмирал понимал, что, даже будь он там, все равно ничего бы не изменилось, он все-таки ощущал себя предателем оттого, что не может встать рядом с гибнущими товарищами...

Правда, в отличие от простых обывателей, Титов заранее прекрасно знал, чем закончится сражение. Это для гражданских, видевших боевые корабли только в информационных программах, грозные звездолеты длиной в километр кажутся несокрушимым венцом творения. На самом же деле толланы, вошедшие в эпоху межзвездных перелетов как минимум на столетие раньше людей, технически далеко их обгоняли, и формальное преимущество земного флота в численности и классе звездолетов не играло роли. Линкоры Федерации по боевым характеристикам уступали даже легким крейсерам противника, и, как следствие, не способны были

оказать серьезного сопротивления. А главное, те, кто стоял на мостиках человеческих звездолетов, тоже это понимали. Однако они шли в бой, поскольку у них был приказ, а за их спиной родной дом. И Титов знал, что поступил бы точно так же.

И ведь самое паршивое, не хотели толланы воевать. Эти существа, похожие на двухметровую помесь осы с пауком, на которую сел медведь, отличались редким миролюбием. Правда, проистекало оно больше из того, что толланы, до жути рациональные твари, считали войну делом крайне невыгодным и старались всеми силами ее избежать. А оборзевшие от безнаказанности земные правители приняли их поведение за слабость и полезли в бутылку, не просчитав возможных последствий. В результате наступил момент, когда толланы решили, что силовое воздействие становится экономически оправданным. Тут-то и улыбнулся землянам упитанный полярный лис, но сдавать назад оказалось поздно. Толланы привыкли всегда доводить начатое до конца, и раз уж решили уничтожить не в меру агрессивных приматов, значит, и впрямь уничтожат. Или, как вариант, пустят их на мясо – поедание врагов у них считалось вполне этичным.

Титов растер руками лицо. И что теперь делать прикажете? У него древней постройки крепость, старый линкор, не менее старый авианосец, пара крейсеров, больше напоминающих летающий антиквариат, три относительно новых и столь же относительно боеспособных эсминца, две сотни ис-

требителей не первой свежести и пара десятков мелких посу-дин, от корветов до авизо. По масштабам космической войны меньше чем ничто. Самое логичное – сидеть тихонечко и надеяться, что не найдут. Но при этом как представишь, что твою родную планету выжигают до скального основания...

Если быть абсолютно честным, Титову было плевать и на Федерацию, и на президента Анкермана, и на планеты вроде Новой Швабии или Великого Иерусалима вместе со всем их населением. На сослуживцев... Нет, разумеется, к ним он относился совершенно иначе, однако, в конце концов, они сами выбрали свой путь. А вот родную планету надо было спасти любой ценой. Не зря все же его считали неблагонадежным. Вот только как спасти?

Впрочем, первый ход был ясен – сниматься с орбиты и на всех парах дуть к Малому Алтаю. Толланы в тот район не пойдут, во всяком случае немедленно. Они для начала ударят по промышленным и научным центрам, заштатные планеты их будут интересовать в последнюю очередь – все же их силы хоть и велики, но не беспредельны. Значит, первыми в этой войне падут крупные планеты, затем – Земля, и лишь потом начнется зачистка. Время есть, немного, но есть, а значит, и какой-то шанс имеется.

Все-таки дисциплина – великое дело. Подчиненные только что находились в ступоре, но, как только пошли четкие и недвусмысленные приказы, действовать стали не задумываясь. Все же авторитет у самого молодого из земных адми-

ралов был высокий, и помощников он натащить худо-бедно сумел. Вот среди молодежи, особенно пилотов, через некоторое время начнутся брожения. Молодые офицеры всегда самые умные, а пилоты – те умные в квадрате. Индивидуальности, чтоб их. Но это начнется не сразу, и, когда до подчиненных дойдет, наконец, что задумал адмирал, поздно станет что-либо менять. Да и то сказать, к тому моменту даже полному тупице будет ясно, что война проиграна и надо спасать, что спасти удастся.

Адмирал и сам бы не смог точно сказать, просчитывает он варианты или просто успокаивает совесть. Тем не менее дело было сделано, и крепость, ошетинившаяся орудиями, перешла в режим пассивного контроля пространства. Обнаружить ее сейчас, насколько знал Титов, даже для радаров толланов становилось нетривиальной задачей. Технически ее можно было сдернуть с орбиты и утащить с собой, но эта здоровенная, почти восьми километров в диаметре, бронированная дура связала бы эскадру по рукам и ногам. Так что пусть уж висит, глядишь, еще и пригодится, равно как и расположенная на планете резервная техническая база. Целую вечность уже законсервированная, никому по большому счету не нужная, а вот теперь, может статься, окажется востребованной. Во всяком случае, если использовать планету в качестве пункта эвакуации. Но это в будущем, а пока что эскадра взяла курс на Малый Алтай.

Бросок оказался коротким – даже старые и тихоходные

корабли, имеющиеся в распоряжении Титова, смогли преодолеть разделяющее их расстояние менее чем за сутки. И картина, открывшаяся им, была для Титова вполне ожидаемой. Большая малонаселенная планета готовилась к обороне. На планете не было орбитальных крепостей, даже таких примитивных, как оставленный «Мир», однако имелись сразу два орбитальных терминала. Сейчас их, судя по всему, превращали в оборонительные сооружения, и, глядя на то, как шустро это делалось, невольно приходил к мысли, что подобная возможность изначально закладывалась в их конструкцию. Титов даже головой покрутил – интересно, против кого изначально планировалось использовать эти громоздкие инженерные изыски? Вполне могло стать, что и против флота Земной Федерации, хотя сейчас данный факт не казался ему принципиальным.

Еще неделю назад корабли Земной Федерации здесь встретили бы недружелюбно. Да что там, более или менее спокойно на Малом Алтае относились только к небольшой эскадре, постоянно расквартированной в их системе, и то лишь потому, что военнослужащие там были с их же планеты. А тех, кто пошел служить в федеральную армию, многие до сих пор считали предателями. Однако сейчас, когда появилась внешняя угроза, все изменилось резко и бесповоротно – лишнее доказательство общеизвестного факта, что люди хорошо умеют дружить лишь против кого-то. Словом, флот принимали если и не аплодисментами, то вполне дру-

желюбно. Без проволочек выделили парковочные орбиты и дали разрешение экипажам на высадку для отдыха после перелета. В данном случае последнее было явно не лишним – все же люди бултыхались в космосе несколько месяцев, лишь иногда отправляясь на планету. Да и какой это отдых – так, сафари в диком мире, и сейчас возможность отдохнуть не только при нормальной гравитации, но и в комфортабельных условиях цивилизованного города дорогого стоила.

Сам Титов попал на родную планету одним из последних, спустя девять часов, в течение которых активно утрясал и согласовывал с властями тысячу мелочей, обычно появляющихся в подобных ситуациях. Но – справился, не впервой, и уже очень скоро поднимался по высоким ступеням родного дома.

Здесь все осталось, как было, разве что парк, и без того полудикий, с момента его последнего сюда приезда успел окончательно превратиться в слегка захламленный буреломом кусочек леса. Титовы ухаживали за зелеными насаждениями от случая к случаю, не было у них тяги к проложенным по линеечке аллеям и ровно подстриженным газонам. Семейная черта, что поделаешь, и даже женская половина семьи, регулярно пытающаяся хоть что-то в парковом хозяйстве исправить, несмотря на воистину героические усилия, раз за разом терпела поражение. Так что парк в очередной раз зарастал, а в остальном ничего не менялось. Все такие же вытертые поколениями хозяев ступени, огромные, раскры-

тые нараспашку окна, и все так же извивался плющ, упрямо лезущий вверх по стенам огромного семейного особняка.

Да-да, семья Титовых принадлежала к местной знати. Потомки первопоселенцев, как-никак, не тех, кто приехал через несколько лет после начала колонизации, когда на планете уже была создана какая-то инфраструктура, и уж тем более не прибывших позже, на все готовое. Нет, Титовы на эту планету ступили одними из первых. Даже не первопоселенцы, а первопоселенцы в квадрате, поскольку на Малый Алтай прибыли не в виде лежащих в анабиозе тел, а членами экипажа огромного по тогдашним меркам корабля-колонизатора. В те времена они тащились от звезды к звезде мучительно медленно, с трудом разгоняясь до субсветовых скоростей. Позже, когда на Земле были созданы двигатели, позволяющие кораблям выходить на сверхсвет, некоторые из таких колонизаторов перехватили, сократив время в пути в разы. По слухам, правда (а слухам, гуляющим в среде космолетчиков, адмирал Титов верил куда больше, чем официальной информации), некоторые колонизаторы все еще тащились к цели, но это уже не важно. Главное, что из четырех таких кораблей, запущенных к Малому Алтаю с интервалами в три года, первый добрался до цели без происшествий, и в его экипаже числился второй штурман Титов, потомственный космонавт, ведущий род еще с самого начала эпохи космических полетов.

Двери перед адмиралом не открылись. Все правильно, их

надо было толкнуть, вот только он настолько привык к автоматике, что едва не врезался в них головой. Каждый раз так, и мысль об этом вызвала мимолетную улыбку. Впрочем, она тут же стала широкой и искренней, потому что навстречу вышла мама, самый дорогой человек в его жизни. А потом, обгоняя ее, выбежал сын младшего брата, которому только-только исполнилось двенадцать, высыпали в просторный холл остальные родственники... Клан Титовых был велик, и сегодня собрались очень многие – не каждый день приезжает домой овеянный звонкой и мрачной славой почти что легендарный адмирал. Охи-вздохи, слезы-сопли, объятия – и все это абсолютно искренне, его и впрямь здесь любили. Адмирал Титов вернулся домой...

После обеда, плавно перетекшего в ужин, отяжелевший от съеденного и с чуть кружащейся от выпитого головой, он поднялся на второй этаж, в кабинет отца. Тот пришел сюда раньше и уже ждал сына, мрачно попыхивая сигарой. В отличие от остальных хозяин огромного, богато обставленного кабинета понимал, что сын прилетел не с добрыми вестью. Нет, остальные тоже понимали, конечно, вот только смотрели на войну чуточку отстраненно, будто со стороны, как и положено гражданам небольшой, богатой и не жалующей центральную власть провинции. Для них война была чужой, и они просто не осознавали еще, что стороной она не пройдет и отсидеться в безопасной глуши не удастся. Отец же, умный и до мозга костей рациональный, все это прекрас-

но понимал, и, хотя и улыбался за обедом, наедине с сыном позволил себе быть самим собой.

Титов сел в кресло, раскурил сигару, смакуя оттенки вкуса дорогого табака, и внимательно посмотрел на отца. Тот за прошедшие два года абсолютно не изменился – все такой же огромный, на голову выше сына, широкоплечий, с львиной гривой седых волос. Развалившись в кресле, он пускал целые облака синего дыма и не торопился начать разговор, понимая, очевидно, что, как только первое слово будет сказано, пути обратно не предвидится. И все же паузу нельзя держать до бесконечности, и отец, аккуратно положив сигару на край пепельницы, спросил:

– Ну, что скажешь о происшедшем?

– А что тут сказать... паршиво. В первом же серьезном бою Федерация лишилась примерно трех четвертей флота. Разумеется, сейчас поскребут по сусекам, если повезет, соберут новые эскадры и, может быть, выиграют пару-тройку локальных стычек, но ситуацию этим не исправить. Да и корабли, которые можно собрать по дальним гарнизонам, совсем не те, что погибли в сражении. Цвет флота уничтожен, это надо признать.

– Хреново.

– Да уж, куда хреннее. Был шанс – и тот упустили.

– Шанс? – Отец удивленно поднял брови. – А мне всегда казалось, корабли толланов слишком совершенны, чтобы с ними бороться.

– Не вполне. Я тут, пока сюда добирались, успел просмотреть записи того сражения. Сам знаешь, они транслируются на все базы, так что с информацией проблем не было.

– И что? – Отец выглядел заинтересованным.

– Да все вроде просто... Вот, посмотри.

Над столом зажглась голограмма, позволяющая в деталях изучить завязку сражения. Отец внимательно просмотрел записанный эпизод, пожал могучими плечами:

– И что? Вроде бы все как и должно быть. Более мощные и технически совершенные корабли разогнали орду наших корыт, только и всего.

– Все да не все, – задумчиво покачал головой Титов. – Посмотри еще раз. Видишь? Корабли толланов хороши, но у всех узкая специализация. Одни держат щиты, другие ведут заградительный огонь, третьи участвуют в артиллерийской дуэли и так далее. Очень эффективная конструкция, но вынь из нее один-два кирпичика – и все рухнет. В начале боя наши еще имели шанс – сконцентрировать удар на конкретной группе кораблей и дезорганизовать противника, но они предпочли работать, как в классическом сражении, сила на силу, и, естественно, проиграли. Обмен ударами нашему флоту оказался категорически невыгоден.

– Логично. – Отец потер гладко выбритый подбородок. – Думаешь, если бы ты был там, все пошло иначе?

– Сомневаюсь, – честно ответил адмирал. – Таких, как я, там была масса, от этого, кстати, возникло немало организа-

ционных проблем. Слишком много командиров. К тому же мне вряд ли доверили бы приличную эскадру. Сам понимаешь, не то у меня происхождение. Но главное даже не в этом. Просто я понял, что надо было делать, только просмотрев записи, а до того не имел никакого представления о флоте противника. Наша разведка, как ни прискорбно, в очередной раз облажалась, а в результате будет куча трупов и море крови.

– Все так плохо?

– Да. А самое паршивое, что мы стремительно догоняли толланов по уровню технического развития. Еще лет десять – пятнадцать – и сравнялись бы, но наши козлы, сидящие в правительстве, этого даже не поняли.

В течение следующей четверти часа Титов расписывал отцу перспективы дальнейшего развития ситуации, и с каждым его словом отец все больше мрачнел. Наконец, когда он закончил, тот встал, подошел к окну и долго стоял, глядя на парк, небольшую, но стремительную и невероятно чистую речку, горы, заснеженные пики которых виднелись на горизонте. О чем он думал? Или, может, представлял все это сожженным орбитальными ударами, безжизненным, подернутым слоем мертво-серого пепла? Наконец, видимо справившись с эмоциями, глава клана Титовых обернулся:

– У тебя есть какие-то идеи?

– Да. Эвакуация. Время еще есть. Скрыться на безлюдных планетах и попробовать начать все сначала.

– Думаешь, не найдут?

– Если не будут сверх меры стараться, то шансы есть. Особенно если здесь будет серьезное сопротивление, которое заставит толланов поверить, что нам просто некуда отступать. И планета подходящая имеется.

– В том районе, где ты служишь?

– Да. Не блеск, но сойдет, к тому же полезных ископаемых в избытке, а опасных микроорганизмов нет.

– Это радует. И сколько народу мы успеем эвакуировать?

– При благоприятном исходе не меньше миллиона.

– Миллион... Это много. И это так мало... Целый миллион. Из двухсот миллионов живущих на планете. Целых полпроцента.

– У тебя есть еще какие-нибудь идеи? – чуть язвительнее, чем надо, осведомился Титов. – Если имеются, то было бы интересно послушать. Только не надо пафоса, мол, ляжем костями, но не дадим врагу топтать нашу землю. Мы в нее при любых раскладах ляжем, и результат все равно будет только один.

– Да знаю я, – устало махнул рукой отец. – Завтра в сенате вынесу твоё предложение на рассмотрение. Все равно надо что-то делать.

– Вынеси-вынеси, – усмехнулся адмирал. – Пусть немножко поговорят. Как раз к тому моменту, когда толланы придут по наши души, они что-то смогут решить. К примеру, создадут комиссию по рассмотрению вопроса.

– Ну, не все так мрачно, – поморщился отец, но видно было, что он и сам не очень высокого мнения о парламентариях. Слишком хорошо он, потомственный сенатор, знал эту «кухню». Скептический хмык сына, последовавший за его словами, он воспринял как должное и поспешил перевести разговор на другую тему: – А твои люди? Они будут сражаться, зная, что вступают в безнадежный бой, причем, по сути, за чужих им людей?

– О них не беспокойся, это – моя проблема. Я им успел в подкорку вбить, что жалование они получают авансом, за который рано или поздно всем нам придется заплатить кровью. Подавляющее большинство моих людей будут сражаться там, где я прикажу, а те, которые не будут... Думаю, на планете найдется, кем их заменить, но таких будет десятков-другой человек, не более.

– Ну, для этого случая найдем, – усмехнулся отец.

Адмирал понимающе кивнул – уж он-то знал, что на планете ведется активная подготовка кадрового военного резерва. Зачем? Да затем же, зачем любому сепаратисту. А вдруг повезет, и получится отделиться – тогда подготовленные люди будут ой как нужны. Да и потом, мышление прошедших воинскую службу, пусть даже по сокращенной программе, и насквозь гражданских людей совершенно разное, так что система подготовки военных специалистов была направлена еще и на формирование в обществе определенного мировоззрения. Как офицер Земной Федерации адмирал Титов,

отлично понимающий, какие проблемы может создать для большой страны сепаратизм, негодовал. А вот как патриот своей планеты, которой принудительное вступление в Федерацию не принесло ничего, кроме проблем, активно приветствовал, и очень радовался сейчас, что ему не пришлось в конечном итоге делать выбор, с кем он. Все оказались в одной лодке, так уж распорядилась судьба, и подготовленные солдаты и офицеры будут в предстоящем сражении ой как нужны.

– А как с оружием?

– Хватает. Ты вот лучше ответь мне на такой вопрос: что, если ваше командование отдаст эскадре приказ двигаться на защиту центральных планет? Ты сам говорил, что они будут собирать все, что удастся, и такой вариант, я думаю, возможен.

– Мои люди пойдут за мной, – жестко и твердо ответил адмирал. – И, судя по тому, что в течение двух суток не поступало никаких приказов, штабные крепко сели на задницу и до сих пор находятся в ступоре.

Отец понимающе кивнул, и на том разговор у них закончился. Все слишком устали, а время было уже позднее. В этих широтах не было долгих сумерек, светило падало за горизонт, как сбитый из рогатки воробей, и все же минут пятнадцать феерической картины, когда зеленовато-красный огненный шар подсвечивал небосвод, окрашивая его в нереальные цвета, у адмирала Титова были. И он, как в дет-

стве, с восхищением смотрел на буйство красок, в очередной раз ощущая, как соскучился по дому...

Следующий день Титов прожил в бешеном темпе. Опять согласовывать, утрясать, улаживать... Договариваться с верфями о текущем ремонте кораблей. Вытаскивать своих матросов из полицейского участка, куда они угодили за драку с местными. Возмещать ущерб хозяину пивной, в которую эти придурки, отбыв наказание, отправились вместе с недавними противниками. Нашли, пока в камере сидели, общий язык, а потом вместе набили рожи кому-то еще. А хозяин заведения заломил такую цену, что взвыть хотелось, и это притом, что деньги скоро вообще никому не будут нужны. И прямо оттуда мчаться на совещание, где надутый как индюк чиновник ознакомил его с совершенно безграмотным планом организации космической обороны. Убить за такое хотелось, честное слово! Как следствие, к вечеру адмирал сам себе больше всего напоминал выжатый лимон и хотел только одного – найти где-нибудь уголок, в котором можно прилечь. И чтобы все оставили в покое!

Однако, как говорили древние, покой нам только снится. Не успел Титов, вернувшись домой и опоздав к ужину, прожевать отбивную, как его позвал отец. Лестница, которую адмирал еще вчера преодолевал, легко перепрыгивая через две ступеньки, сейчас казалась бесконечной, и все же он героически справился с последними метрами и бухнулся в кресло. Отец, глядя на него, покачал головой, одновременно неодоб-

рительно и сочувственно:

– Все так плохо?

– Еще хуже, – проворчал, устраиваясь удобнее, адмирал. – Честное слово, я уже и забыл, каково это – иметь дело с гражданской администрацией.

– А мне с ними каждый день воевать приходится, – усмехнулся отец. Достал из ящика стола серебряные стопочки, плеснул в них коньяку, так, чисто символически, протянул одну сыну: – На, разговейся.

– Благодарю. – Титов пригубил коньяк, улыбнулся – напиток был хорош, отец дряни не держал. – И все же, полагаю, ты позвал меня не для того, чтобы обменяться мнениями по поводу бюрократов?

– Правильно думаешь. – Отец усмехнулся, но тут же снова стал серьезным. – В общем, ты был прав. Я сегодня с утра донес до наших умников твои предложения, но они утопили все в словах. Это плохая новость.

– Судя по твоему тону, есть и хорошая?

– Имеется, – кивнул глава клана. – И заключается она в том, что, как бы эти говоруны ни пыжились, реальная власть все же совсем у других людей. А как раз они-то с твоим мнением согласны. Кроме того, могу тебя обрадовать – эвакуировать удастся, возможно, даже несколько больше народу. В твоих расчетах не учтено, что за последний год тоннаж наших транспортных судов увеличился почти в полтора раза. Плюс мы смогли восстановить старинные технологии анаби-

оза, хотя считалось, что они давно утеряны.

– Это-то здесь при чем? – ляпнул не подумав Титов и тут же прикусил язык.

– Вижу, ты понял, – усмехнулся отец.

Действительно, чего уж тут не понять. Человек в анабиозе не требует воздуха, пищи, воды... Ему даже в туалет ходить не нужно. Следовательно, системы жизнеобеспечения тоже становятся практически ненужными. Минимум экипажей – и вперед! И хотя перелет до места назначения даже на относительно тихоходных по сравнению с боевыми кораблями транспортных корытах займет не более трех суток, все равно это огромный плюс. Вопрос, правда, зачем восстанавливали давно не востребованную технологию, но сейчас это уже не принципиально.

– Сколько сможем вытащить народу?

– По нашим подсчетам, не менее двух с половиной миллионов человек. Если припахать к делу твою эскадру, то и все три.

– Это сожрет ресурс двигателей, они и так старые... Впрочем, какая теперь разница.

– Именно так. Но все равно, три миллиона – это очень мало.

– Согласен. Все равно хочется большего. Прямо замкнутый круг – и не вижу выхода.

– А вот здесь ты ошибаешься, – строго поглядев на сына, сказал отец. – Выход есть всегда. Во всяком случае, можно

попытаться его найти.

– Ты никогда и ничего не говоришь просто так, – медленно, задумчиво смакуя каждое слово, сказал адмирал. – У тебя есть какие-то идеи?

– Идеи... Кое-что есть. Авантюра, конечно, дикая, но в нашем положении это уже непринципиально. И потом, мы ничего не теряем – схему эвакуации прорабатывают, отбор тех, кого будут вывозить, уже проводится, первые корабли будут готовы к старту завтра. Сложнее всего отобрать тех, кого спасать, хотя это в принципе ясно. Дети – и некоторое количество тех, кто будет их учить и, первое время, защищать.

– Беспорядков не боитесь?

– Нет. К войне люди морально готовы давно, да ты и сам это прекрасно знаешь. Вспомни себя в молодости.

– Да уж...

– Ну вот. Не считай других слабаками, сын, они не хуже тебя знают, на что идут. Лично меня сильнее беспокоит другой факт.

– И что же именно?

– Даже если мы спасем часть людей. Даже если мы расселим их по одной или, лучше, по нескольким планетам, все равно наша цивилизация окажется отброшена на тысячелетия назад. Именно поэтому мы и предлагаем тебе принять участие в... аванюре.

– Какой именно? Нашли супероружие предтеч и не знае-

те, разнесет оно при стрельбе вражеский флот или само взорвется?

– Не совсем, но ты близок к истине. У нас разрабатывалось кое-что. Не оружие, но нечто, способное в определенных условиях стать оружием пострашнее боевых кораблей.

– Очень интересно, – без выражения сказал адмирал после короткой паузы. – И кому готовился такой знатный сюрприз?

– А то ты сам не догадываешься.

– Догадываюсь, – вздохнул Титов. – Еще как догадываюсь. И зачем же вам в таком случае потребовался я?

– Как минимум в качестве военного эксперта. Ты у нас все же профессионал.

– Спасибо за «все же».

– Так ты согласен?

– А куда я денусь... Что от меня требуется?

– Для начала, завтра с утра отправиться со мной. Как, проживут без тебя несколько часов?

– Проживут. Надо будет только позвонить, отдать кое-какие распоряжения.

– Ну, тогда действуй. И к восьми утра чтоб был готов – времени у нас не так много. Ты, наверное, еще не знаешь, но сегодня толланы атаквали Большой Шанхай.

– Гм... Они продвигаются чуть быстрее, чем я рассчитывал. По моим прикидкам они должны были выйти к этой планете дня через три, не раньше. Наши отбились?

– Да. Очевидно, там был просто локальный рейд какой-то быстроходной эскадры. Но все равно, тенденция нехорошая. Ладно, иди спи, завтра будет много дел.

Утром Титов, как и положено офицеру гладко выбритый и слегка под хмельком (так, пять граммов в кофе, но важна традиция), бодрым шагом спустился с крыльца. Отец уже ждал его, сидя в кабине своего личного флаера, небольшого, стремительного и чертовски дорогого. Любил он хорошие машины и не считал зазорным потратиться на такую покупку, пусть они и были произведены на какой-нибудь не самой уважаемой жителями Малого Алтая планете. И за штурвалом отец, не признающий персонального водителя, как всегда, сидел лично. Адмирал плюхнулся в мягкое пассажирское кресло, с тихим жужжанием опустил колпак блистера, и в следующий момент легкая, но мощная немецкая машина рванулась вверх. Титова вдавило в кресло, но он не зря когда-то пилотировал истребитель, да и манера вождения отца была ему знакома. Словом, глава клана лихо гнал машину, а его непутевый сын развалился в кресле и наслаждался видом родной планеты с высоты птичьего полета.

Впрочем, летели они недолго. Флаер перечеркнул небосклон на скорости чуть-чуть ниже звуковой. Нарушение, конечно, всех писаных и неписаных правил, но полиция даже не пыталась вмешаться. Во-первых, бесполезно, потому что форсированные движки в два счета позволяли уйти от полицейских флаеров-перехватчиков, а во-вторых, связываться с

сенатором – что мочиться против ветра. Дураков нет.

Отец, правда, тоже не злоупотреблял вседозволенностью, пролетая выше трасс общественного транспорта, да и возможности своей машины использовал едва ли наполовину. И все равно лететь оказалось совсем недолго – место, в которое он вез Титова, располагалось сравнительно близко, у отрогов гор. Даже как-то удивительно – места на планете имелось в избытке, и люди селились с размахом, а всевозможные исследовательские центры, особенно с высоким уровнем секретности, и вовсе старались располагать подальше от городов, но, очевидно, не в этом случае.

Правда, на маскировке не экономили. Титов не смог обнаружить вход даже визуально, и готов был руку отдать на отсечение, что нащупать базу глубоким сканированием тоже вряд ли удастся. За много лет когда тайных, а когда и явных, переходящих время от времени в горячую фазу конфликтов между Малым Алтаем и федеральным центром жители планеты здорово продвинулись в искусстве маскировки. Фактически, адмирал окончательно убедился в том, что отец его не разыгрывает, лишь когда буквально у него перед носом отъехала в сторону бронированная плита вместе с уютно расположившимся на ней гранитным валуном массой навскидку тонн этак пять.

Встречающие не заставили себя ждать. Среднего роста, широкоплечий мужчина со скуластым, грубоватым лицом, в мундире сил планетарной самообороны без знаков разли-

чия, и женщина лет двадцати трех – двадцати пяти в несерьезном голубом платье. В таком бы воскресным вечером по набережной прогуливаться, заставляя мужчин истекать слюной при виде красивых ног и точеной фигуры, хотя, конечно, подойти не всякий отважится. Обладательница шикарной фигуры и симпатичного лица ростом была выше даже, чем отнюдь не маленький Титов, – метр девяносто, не меньше. Находка для провинциального баскетбола. Однако комплексами, похоже, дама не страдала, приветливо улыбнулась вновь прибывшим:

– Доброе утро, сенатор. Вы, как всегда, пунктуальны.

– А вы, как всегда, прекрасны, Ольга Семеновна. Позвольте вам представить моего сына. Ну, поздоровайся же с дамой, оболтус.

– Титов Лев Сергеевич, – церемонно поклонился несправедливо нареченный. И зачем-то добавил: – Адмирал военно-космического флота Земной Федерации.

Это было глупо – по мундиру да погонам и так ясно, кто он. И потом, его физиономию уже растиражировали местные СМИ. Но, если честно, на «оболтуса» адмирал почему-то обиделся всерьез. Наверное, потому, что слова, в тесном семейном кругу вызвавшие бы лишь улыбку, сейчас оказались сказаны при красивой женщине, а адмирал, хоть и не был бабником, являлся нестарым еще мужчиной нормальной ориентации и с адекватными реакциями.

Отец, похоже, сообразил, что ляпнул не то и не вовремя,

но всевозможные телячьи нежности были не в его характере. Ободряюще хлопнув сына по плечу, он усмехнулся:

– Ну что, Ольга Семеновна, покажете нам результаты?

– Разумеется. Только, извините уж, вначале маленькая формальность.

Ее спутник, так и оставшийся безымянным, шагнул вперед и молча протянул руку с портативным анализатором. Вначале к нему приложил палец отец, а затем и сам адмирал. Все правильно, никаких обид тут быть не может, и на сверхсекретный объект кого попало не пустят. Слабый, скорее ожидаемый, чем реальный укол в подушечку большого пальца. Секунд пятнадцать на анализ ДНК...

Страж, так и не проронив ни слова, отступил в сторону, освобождая путь. Да и что говорить? Он так, приложение к автомату. Вот женщина – она посерьезнее, но тоже в меру. Скорее всего, специалист по связям с общественностью или что-то в этом духе, для большего слишком молодая. Однако сейчас это было не важно, поскольку она сделала приглашающий жест и первая шагнула в тоннель. Титову не оставалось ничего, кроме как последовать за ней, отец шел третьим, а замыкал шествие охранник. После того как он вошел, бронированный люк метровой толщины аккуратно и почти бесшумно скользнул на место, отрезая секретную базу от внешнего мира.

В хорошо освещенном коридоре оказалось тепло, и воздух был свеж – системы кондиционирования и вентиляции

проектировали серьезные профессионалы. Легкомысленный наряд Ольги (адмирал, будучи как минимум в полтора раза старше, позволил себе мысленно называть ее по имени) сразу же стал понятен и уместен. А вскоре его восхитила уже не дама, и даже не качество вентиляции, а размеры базы. Куча аккуратных, безликих и совершенных в своей утилитарности коридоров, в которых можно без особых проблем заблудиться, тянулась, как объяснила их гид, в общей сложности почти на сорок километров. Создатели этой базы не мелочились, как пояснил отец, помимо всего прочего она могла служить бомбоубежищем для целого города, в течение года обеспечивая жизнедеятельность не менее чем сорока тысяч человек. Сейчас, правда, здесь работало всего человек полтора, не удивительно, что никто не встретился по дороге, база выглядела совершенно безлюдной. Хорошо еще, что пешком им пришлось идти метров двести, не более, а дальше путь удалось продолжить на электромобильчике веселой ярко-красной расцветки. В результате до места они добрались менее чем за десять минут – время Титов умел чувствовать хорошо, это было частью его профессии, даже засекаать не потребовалось.

При входе в кабинет начальника базы всем троим (охранник с ними не поехал, оставшись у места, где их ждала машина) пришлось надеть халаты. Длинные, почти до пола, мешающие двигаться. Для чего? А черт его знает, но Титов не протестовал. Магическое «положено» было ему хорошо

знакомо, всю службу вдалбливали, так что никаких споров. Отец же, бывавший здесь ранее, тем более не протестовал. Единственное, что слегка портило настроение, – это мешковатость новой одежды, и если адмиралу было в общем-то плевать, как выглядит он сам, то тот факт, что халат скрыл фигуру их провожатой, он считал уже явным перегибом. В конце концов, на этом свете и без того мало красоты, и скрывать ее под такой одеждой – это уже почти преступление. Но развить мысль Титов не успел – их, наконец, провели в кабинет местного Самого Главного.

Честно говоря, помещение на Титова особого впечатления не произвело. Там был... скажем так, лучше всего это описывалось одним-единственным словом: бардак. Огромный кабинет был в беспорядке заставлен мебелью, компьютерными терминалами, какими-то непонятными приборами, с которыми соседствовала кофеварка, разномастные кружки, очень похоже, имеющие внутри многолетние залежи высохшего напитка, засыпанный крошками стол... Дополняла все это голографическая стриптизерша, медленно и без огонька крутящаяся вокруг шеста.

Хозяин царящего в кабинете непотребства восседал за одним из столов, уткнувшись в компьютер. Пальцы его так и летали над виртуальной клавиатурой, но понять, что же он делает, Титов не мог – спина профессора Кораблева, как следовало из висящей на двери таблички, надежно скрывала его секреты. Но вот составить о нем мнение адмирал все же

смог. Типичный сумасшедший ученый, худой, со всклокоченной шевелюрой, и притом, судя по моторике, еще совсем молодой. Ставить такого во главе секретной научно-производственной базы... Ну-ну, посмотрим.

Между тем отец, которого происходящее не удивило – вероятно, не раз уже видел, – уверенно прошел сквозь мебельные завалы и бодро произнес:

– Здравствуйте, профессор.

Тот обернулся на миг, явив и впрямь очень молодое, бледное лицо, кивнул:

– Здравствуйте, Сергей Иванович. Вы можете пять минут подождать? Появилась идея, и надо быстро набросать план эксперимента, пока мозги работают.

– Разумеется. Ольга Семеновна, вы нам кофе сделаете?

Ольга чуть покраснела, кивнула и стала быстро наводить порядок. Ей, судя по всему, было неловко за царящий здесь бардак. Мужчины демонстративно отвернулись, дабы не смущать лишний раз, и вскоре были вознаграждены огромными – ученые, похоже, обожали крупные дозы стимуляторов – кружками вполне пристойного напитка. На прилагающееся к ним печенье, как им сказали, местной выпечки, адмирал посмотрел немного подозрительно и брать не стал – мало ли чего эти умники яйцеголовые туда намешали из научного интереса. А вот кофе выпил с удовольствием, кто бы его ни варил, дело свое он знал хорошо.

К тому моменту, как их кружки показали дно, профес-

сор и впрямь закончил работу. Движением пальцев погасил экран, потянулся в кресле так, что хрустнули суставы, и одним быстрым, невероятно завершенным движением встал, оказавшись вдруг на удивление высоким и долговязым. Шагнул навстречу посетителям и, широко улыбаясь, протянул сенатору руку:

– Очень рад вас видеть в моем скромном логове.

– Взаимно, профессор. Мы прибыли, как я и обещал.

– Это, я так понимаю, ваш эксперт по военным вопросам? – Профессор склонил голову набок, став похожим на художого, нескладного попугая, внимательно посмотрел на адмирала и внезапно заулыбался еще шире: – Очень рад знакомству. Вы знаете, адмирал, в свое время вы были моим кумиром. Вот только во флот меня, к сожалению, не взяли – по здоровью не прошел...

Профессор Кораблев, и впрямь чуточку сдвинутый на науке, оказался на поверку весьма славным малым. Раздолбаем, конечно, как и многие другие молодые и талантливые ученые, но ни в коем случае не снобом. В течение пяти минут он ухитрился расположить к себе отнюдь не благодушно по отношению к незнакомым людям адмирала, уболтать всех присутствующих выпить еще кофе, а заодно рассказать о блестящих перспективах расположенного на базе научного центра и достижениях их молодежного коллектива. Мимходом пожалел, что не добрался до имеющегося здесь оборудования раньше, но оптимистично пообещал наверстать,

дайте только время.

Вот со временем-то у них имелись серьезные проблемы, эту мысль Титов с отцом донесли до профессора дружно, в один голос. Тот лишь вздохнул, покивал, а затем внезапно спросил:

– Господа, а вы никогда не задумывались, почему мы так отстали от толланов?

Хотя вопрос был обращен вроде бы ко всем присутствующим, Титов понял, что спрашивают в общем-то его одного. Остальные наверняка и так в курсе, и формулировка в данном случае не более чем дань вежливости. В такой ситуации надо отвечать, но проблема была в том, что адмирал не понял вопроса. Впрочем, он не страдал комплексами по этому поводу.

– Прошу извинить, профессор. – Адмирал привык формулировать фразы иначе, но ученые – существа ранимые, с ними командным тоном говорить противопоказано. – Я не совсем понимаю суть вопроса.

– А вы постарайтесь. – В голосе ученого проскочила искорка ехидства. – А то считать любого военного тупым и ограниченным мне как-то не хочется. Это подрывает мою веру в светлое будущее.

Вот это Титову уже совсем не понравилось, однако вооружить профессора зубной щеткой и отправить в наряд на чистку туалетов было не в его власти. Ну что же, умник, посмотрим...

– Хорошо, – покладисто ответил он. – Я постараюсь. Итак, наши противники обогнали нас потому, что раньше начали освоение космического пространства и имели серьезную фору во времени. Я ничего не упустил?

– Абсолютно, – потер руки профессор. – Вы отлично сформулировали официальную точку зрения и очень хорошо продемонстрировали систему подмены понятий.

– А вот теперь я и вовсе что-либо перестал понимать.

– Естественно, ведь над вами довлеют стереотипы. И все же я попытаюсь вам объяснить некоторые нюансы. Просто для того, чтобы вы поняли суть идеи, в противном случае работать с вами будет чрезвычайно сложно. Не волнуйтесь, много времени это не займет. Присаживайтесь.

Адмирал пожал плечами, но спорить не стал. Оглянувшись, нашел стул поудобнее и решительно уселся. Остальные последовали его примеру, хотя их явно интересовал не рассказ, а реакция Титова. Ладно, ждите. Посмотрим...

– Итак. – Профессор неспешно прошелся по кабинету. Похоже, ему приходилось много преподавать, отсюда и привычка проводить лекции, расхаживая перед аудиторией. Очевидно, он даже не думал о том, что напоминает сейчас гигантскую цаплю. – Вы очень хорошо сказали о форе во времени и освоении космоса. Но вот ведь незадача – они раньше начали именно межзвездные перелеты и развитие соответствующих технологий. Примерно на сто земных лет раньше. И при этом как-то любят забывать тот факт, что мы более

чем на двести лет раньше толланов вышли в космос. У них вершиной инженерной мысли был паровоз... или как там у этих уродов назывался аналог, а вокруг Земли летали орбитальные станции, и ядерные реакторы считались уже морально устаревшим источником энергии. Да и сейчас мы развиваемся намного быстрее. И все же... почему мы так отстали?

– Возможно, были какие-то войны или смутные времена? – высказал предположение немного сбитый с толку Титов. Все же в подобном аспекте он историю не рассматривал. – Старые архивы противоречивы и неполны.

– Знаете? Копались? – Сейчас ехидство из профессора так и перло.

– Предполагаю. – Впервые с начала разговора адмирал стал чувствовать раздражение. – Специально историей вопроса я не интересовался – так, на уровне общеобразовательной школы, а там про этот период два абзаца.

– Во-от, – назидательно поднял указательный палец профессор. – Хочешь что-то скрыть – просто не обращай на это внимания, очень действенный и эффективный способ. Люди редко всерьез интересуются чем-то вне определенной профессиональной сферы. А ведь на самом-то деле, если покопаться, там можно найти очень много интересного. Терпение, адмирал, не стоит делать такое лицо, словно вы второй килограмм лимонов доедаете. Сейчас я вам все объясню.

– Я надеюсь, – проворчал Титов.

– Правильно делаете. Так вот, Лев Сергеевич, вы не да-

леки от истины. Действительно, в тот момент имели место смутные времена, только не совсем в том виде, в каком их принято понимать. И все-таки они были не менее, а возможно, и более разрушительны для нашей цивилизации, чем даже глобальные конфликты. Дело в том, что в тот период на Земле наступила эра массового потребления. По сути, человечество тогда отвернулось от звезд, предпочитая изобретать унитазы с музыкой и менять автомобили по три раза в год... Впрочем, этот период оказался достаточно коротким, поскольку одновременно развивались такие разлагающие человечество тенденции, как невиданное до того расслоение стран по имущественному признаку, а также терпимость ко всему подряд, от людей с иным, часто ущербным мировоззрением до всевозможных извращений. Считалось, что у каждого есть право на самовыражение, но границу, за которую не стоит переступать, наши предки установить забыли. А потом, закономерно, маятник качнулся в обратную сторону, и это вылилось в расовую и религиозную нетерпимость, что спровоцировало десятки мелких, но кровопролитных войн, и постепенно выжрало остатки ресурсов, запасы которых и без того были изрядно подточены неумным потреблением. Как следствие, и численность населения планеты снизилась, и ее развитие оказалось отброшено на десятилетия. Многие технологии были утрачены, а космические программы реанимировались спустя два века. Как раз те два века, которые позволили толланам нас обогнать. И кстати,

именно те события задержали объединение человечества, в результате чего в период колонизации произошел ряд войн между колониями и материнской планетой. Результаты, думаю, нам всем известны.

Последнее он мог бы, кстати, и не говорить, эти войны и привели в конечном итоге к образованию Земной Федерации в ее нынешнем, предельно несуразном виде и росту сепаратизма на окраинных планетах вроде Малого Алтая. Тем не менее Титов все еще не понимал, на кой черт теряет здесь время. Нет, разумеется, плюсы были – и узнал кое-что новое, интересное, пусть даже и бесполезное, да еще и с очаровательной дамой познакомился... Надо будет пригласить ее в ресторан, что ли, а то жить осталось не так и долго. Но вряд ли его притащили сюда именно за этим. Данный вопрос, естественно, опуская мысли о дамах и ресторанах, он и озвучил. И вот с этого-то места началось самое интересное.

Как оказалось, эта база изначально была построена для военных целей, что в общем-то неожиданностью для адмирала не являлось. Традиционно сепаратистски настроенные власти планеты отнюдь не желали открытого столкновения с Федерацией. Одно дело желание быть большой лягушкой в маленьком болоте, и совсем другое, когда флот метрополии наносит орбитальный удар, а потом вздергивает руководителей бунта на ближайшем суку. Прецеденты были, взять хотя бы Новый Бейрут... Впрочем, не стоило о грустном.

Итак, открытое столкновение грозило катастрофой, но

доморощенные вояки не теряли оптимизма. Вполне логично рассудив, что стандартными методами ничего добиться не удастся из-за неизмеримо большего военного и промышленного, не говоря уже о научном, потенциала Федерации, они приняли решение попробовать найти результат в областях, считающихся в метрополии тупиковыми. Получится – замечательно, ну а нет... В конце концов, Малый Алтай – планета богатая, небольшое кровопускание бюджет стерпит.

В последние полтора десятилетия в дальний космос ушло не менее сорока экспедиций. Официальная цель – археологические, геологические, биологические и прочие изыскания. Все насквозь мирно, не подкопаешься, и, самое интересное, они себя окупили, поскольку разведчики сумели открыть три пригодные для жизни планеты и богатые залежи ценных руд в ничейных звездных системах. Возможно, и еще что-нибудь открыли, профессор в подробности не вдавался, но фокус в том, что истинная цель поисков лежала далеко от официально заявленных. Экспедиции искали оружие.

Человечество не первая цивилизация, вышедшая в космос, и даже не десятая. Были те, кто ушел в небытие задолго до того, как первый человекообразный умник почесал затылок и взял в руки палку, и наверняка найдутся планеты, жизнь на которых только-только зародится, когда от людей не останется даже воспоминаний. Это, что называется, общеизвестный факт, подкрепленный многочисленными находками на разных планетах. Но тех, кто снаряжал экспедиции,

ценные с точки зрения истории и культуры развалины интересовали в последнюю очередь. А вот легендарное оружие предтеч, теоретически превосходящее существующие образцы, напротив, было для них ценным трофеем. И экспедиции обшаривали иные звездные системы, была даже разработана интересная методика, позволяющая быстро обнаруживать места, где проходили пути древних. А уж трудолюбия патриотам было не занимать, и за эти годы они натащили на родную планету кучу всевозможного хлама.

Увы, большей частью это был именно хлам, не стоящий даже времени, затраченного на его изучение. Нет, попадались, конечно, жемчужные зерна в навозной куче, не зря же в последние полгода на планете наладили производство новых модификаций маршевых двигателей для звездолетов с небывало высоким КПД, или, к примеру, высокоэнергетического ручного оружия, но это все не меняло общей картины. Не только добиться решающего перевеса над флотом Земной Федерации, но даже составить ему хоть сколько-то серьезную конкуренцию такие локальные прорывы не позволяли.

И все же на Малом Алтае не унывали. Как ни странно, главным оказался побочный эффект поисков – создание множества секретных, прекрасно оснащенных научных баз и промышленность, которая научилась производить для них оборудование любой сложности. Ну и плюс собственные научные кадры воспитали – молодых, незашоренных... А что неопытные – так, может, это и к лучшему, раз старики ока-

зались бессильны. И вот эти ребяташки начали копать, причем не только в прежнем направлении, изучая трофеи археологов, но и увлеченно залезая в те области, разработка которых на государственном уровне давным-давно нигде не велась из-за их бесперспективности. В большинстве случаев, конечно, это приносило лишь мелкие расходы, но, опять же, не всегда. Так, к примеру, сумели восстановить технологию глубокого анабиоза. Правда, даже сами ученые считали эту задачу лишь зарядкой для ума, а она, в сфере текущей обстановки, вдруг оказалась востребованной. Опять же, разработчики новых систем бактериологического оружия создали универсальный антидот, здорово облегчающий работу космической разведки, избавленной теперь от необходимости после каждого рейда месяцами сидеть в карантине. Но главное, что удалось разработать, находилось здесь, на этой базе, и первоначально эта разработка создавалась как оружие невероятной, воистину невиданной разрушительной силы. А ведь занимались ученые насквозь, казалось бы, мирным делом – временем.

Это направление всегда считалось у маститых ученых бесперспективным, однако молодые энтузиасты нашли, как им казалось, несомненные дыры в пространственно-временной теории. Где-нибудь в другом месте их бы подняли на смех, но на Малом Алтае возможность попробовать давали всем, и они впряглись в работу. И, к всеобщему удивлению, безумная теория оказалась вдруг очень даже логичной, а практи-

ческие результаты не заставили себя ждать.

Вначале появился темпоральный фугас. Очень неплохое оружие, вызывающее возмущения на стыке пространства и времени. Никакая защита его не держала, и, как следствие, разрушения он мог наносить колоссальные, во всяком случае теоретически. Затем были созданы установки, позволяющие быстро переносить предметы в прошлое. На одну-две секунды, не более, но и это обеспечивало, к примеру, военному кораблю возможность уходить от огня противника. Было и еще кое-что по мелочи. Словом, это еще не являлось джокером в рукаве, но осложнить жизнь любому противнику могло запросто. И все же сами молодые гении всерьез считали все это лишь побочным эффектом, их же интересовала наука.

Профессор Кораблев (никаких диссертаций он не защищал, но профессором его величали безо всякой иронии) был одним из тех, кто в дополнение к умной голове, способной постичь красоту формул и представить воочию пятимерное пространство, имел еще и житейскую сметку. Проще говоря, он намеревался сделать карьеру, а для этого нужен был результат серьезнее, чем обычное оружие, пускай даже и с великолепными характеристиками. И этого результата Кораблев добился, сумев впервые проколоть пространственно-временной континуум.

– То есть вы построили машину времени, я правильно понял? – Впервые с начала импровизированной лекции Титов

перебил профессора.

Тот недовольно поморщился:

– Не вполне. Хотя в какой-то степени так и есть. Система темпорального маневра кораблей выросла как раз из этой разработки. Тем не менее машиной времени это назвать сложно. Очень уж велики затраты энергии на перенос материального тела, хотя технически в этом уже нет ничего сложного.

– То есть вы хотите направить кого-то в прошлое, дабы изменить настоящее, я правильно понимаю? – Логика адмирала все же оставалась логикой военного и шла по наикратчайшему пути, но профессор лишь развел руками:

– Неправильно. Привожу пример. Для того чтобы направить, к примеру, вас на сутки назад, потребуется задействовать мощности всей планеты. А толку?

– Тогда я не совсем понимаю, к чему этот разговор. Или вы хотите проконсультироваться у меня по поводу своих новых снарядов?

– Нет, все намного сложнее...

Действительно, сложнее. Профессор не стал утомлять Титова высшей математикой в приложении к запутанной теории, ограничившись выводами, которые оказались неожиданными. В прошлое человека отправить можно, но сложно. При этом затраты энергии на перемещение пропорциональны массе объекта и квадрату времени, на которое его перемещают. Однако имелся нюанс, вокруг которого, собствен-

но, и закутилась нынешняя встреча, и вот здесь адмиралу пришлось крепко задуматься.

Если перемещение объекта из времени, в котором действовала установка переноса, обходилось за пределами дорого, то перемещение объектов, находившихся на временной линии раньше, оказывалось многократно более простой задачей. Более того, ее не усложняли даже космические расстояния – расход энергии для воздействия на прошлое Земли прямо с Малого Алтая увеличивался процентов на десять, не более, что было со всех точек зрения терпимо. Причем, вот парадокс, чем дальше в прошлом планировалось действие, тем меньше требовалось энергии. Иными словами, не было ничего сложного в том, чтобы перенести, к примеру, орду Чингисхана если и не во времена Древнего Египта, то хотя бы лет на полсотни. Вот только назад уже не получалось. Причиной Кораблев назвал искажение реальности, происходящее вследствие влияния перенесенных на временные потоки, но это было уже не важно. Главное, адмирал понял замысел безумного (а как это еще назвать) ученого – перенеся объект из одной точки прошлого в другую, обеспечить изменение настоящего.

И вот тут возникал актуальный вопрос: а каких изменений они, собственно, хотели добиться? Подстегнуть развитие цивилизации? А не будет ли обратного эффекта? И потом, ну, пошлете вы какого-нибудь фон Брауна на столетие раньше, а там и идеи его окажутся не востребованными, и производ-

ственная база их реализацию не сможет обеспечить. Именно этот вопрос адмирал и озвучил, на что получил вразумительный ответ.

Как оказалось, и тут имелись свои нюансы. Время – штука статичная, завязанная на причинно-следственные связи. Как следствие, локальное воздействие вызывало, по формулировке профессора, лишь возмущение третьего порядка. Теоретически, конечно – просто до сих пор не было времени и возможностей проверить это на практике, но, учитывая, что второй попытки не будет, не стоило и пытаться. Тем не менее Титов поверил на слово, что та же монгольская орда, угоди она даже на столетие в прошлое, к глобальным историческим изменениям не приведет. Все утрясется примерно лет через триста, максимум пятьсот. Но – именно в этом конкретном случае.

Как считали разработчики временно-оружейного безобразия, в истории существуют точки фокуса, воздействие на которые не только не сгладится со временем, но и усилится, войдя в резонанс. С чем в резонанс? Ну, тут профессор выдал такую галиматью, что адмиралу оставалось лишь почувствовать себя неграмотным и скромно промолчать. Но главное он уловил.

План был прост, как все гениальное, хотя бы на словах. Воздействуя на точку фокуса (а их смогли вычислить более сотни), привести к мировому доминированию какую-либо из стран, чтобы обеспечить более интенсивное развитие зем-

ной цивилизации, как техническое, так и социальное. В идеале – вообще избежать смутных времен. И вот тут-то им необходим был Титов – и в качестве эксперта по вооружению, и как разработчик собственно операции. Ну не было среди ученых профессиональных военных, да и на планете генштабистов как-то не наблюдалось, а доморощенные кадры вполне могли справиться с командованием небольшим отрядом или отдельно взятым кораблем, но не более того. Вот и привлекли лояльного специалиста, прошедшего обучение в серьезном военном училище и имеющего богатый практический опыт. Нормальная ситуация.

Когда до Титова, наконец, дошло, что задумал профессор, он покрутил у виска пальцем. Навскидку адмирал видел как минимум две проблемы, которые тут же и озвучил: во-первых, развитие техники и технологии идет в первую очередь в результате конкуренции между государствами, причем конкуренции военной. Тот, кто получит абсолютное превосходство, вначале сделает рывок вперед, а затем остановится, и начнется коллапс. Примеров в истории достаточно, какие уж тут звезды. Во-вторых, что случится с теми, кто инициировал сам процесс темпоральной диверсии такого масштаба? Реальность изменится, и им просто не будет места в новом мире.

Как ни странно, профессор к критике отнесся совершенно нормально и честно сказал, что лично он видит проблем на порядок больше, но адмирал прав – эти две основные. И как

решить их, они знают, опять же, теоретически.

Проще всего решался вопрос о самосохранении. Процесс изменения реальности займет доли секунды. На этот период достаточно окружить планету силовым полем, энергосистема такое надругательство выдержит. Фактически, произойдет замещение планеты новообразовавшейся реальности на уже существующую, и дай бог, чтобы та оказалась незаселенной. Решение людоедское, но единственное. С развитием все несколько сложнее, однако и здесь не все так мрачно, ведь информацию о том, зачем все это осуществляется, можно предкам и оставить. Кстати, в этом случае и вопрос о заселении Малого Алтая решается автоматически. Ну а дальше – как повезет...

Титов откинулся на спинку стула, побарабанил пальцами по колену – дурная привычка, от которой он не мог, да и, честно говоря, не очень старался избавиться. В голове было не то чтобы пусто – скорее мысли остановились, избыток принципиально новой информации, ничего не поделаешь. Впрочем, спустя несколько секунд все начало утрясаться, раскладываться по полочкам, и адмирал понял, что план, только что предложенный чокнутым профессором, реален. Причем остальные находящиеся здесь в его реальность тоже верят, и если мнение самого профессора и Ольги можно было не учитывать, то отец ни за что не влез бы в авантюру, не имеющую серьезных шансов на успех. И ведь, что интересно, его осуществление не мешает продолжать работы по подго-

товке к эвакуации... Адмирал кашлянул, а затем, внутренне уже приняв решение, спросил:

– Кто еще в курсе?

– Немногие, – ответил отец. – Но они сидят на ключевых точках. Этого достаточно, чтобы мы смогли реализовать проект.

– Откуда ты про него вообще знаешь?

– Я таких проектов с десяток курирую, – усмехнулся тот. – Сам понимаешь, надо держать руку на пульсе.

– Это хорошо. – Адмирал задумчиво покачал головой. – На кого делаем ставку?

– На наших предков, естественно. Лично мне Мейгеры и прочие Алланды наверху уже надоели.

– Очень логично. Особенно учитывая, что именно у нас создали эту аппаратуру... Хорошо. Давайте список точек фокуса.

Профессор, словно того и ждал, открыл ящик стола и извлек оттуда старомодную бумажную распечатку. Не очень длинную – с полсотни строчек. Адмирал пробежался по ним глазами, усмехнулся:

– Карандаш есть?

Получив искомое, он старательно отчеркнул верх и низ списка, оставив три строки. Поймал удивленные взгляды остальных:

– Те, что позже, бесполезны – может не хватить времени на задуманное. Те, что раньше – тоже. В те времена слишком

слабо развиты системы сохранения и передачи информации, и то, что мы вобьем в головы предкам, может просто утонуть в ворохе последующих наслоений. Да и не поймут нас там, не поверят... В общем, выбираем.

– А какая по большому счету разница? – на этот раз вмешалась Ольга. Все же во многом женщины рациональнее, и она сразу уловила суть.

– Вы правы, абсолютно никакой, – кивнул профессор.

– Ну, тогда берите первую по списку и не мучайтесь. – Отец никому в рационализме уступать не собирался.

– Вот и ладушки. – Адмирал хлопнул ладонью по столу, припечатывая к нему бумагу. – А теперь давайте проработаем детали...

Российская империя. 1913 год. Севастополь

Вице-адмирал Андрей Августович Эбергард уже пятую ночь подряд не мог нормально спать. Точнее, за сыпал-то он как раз нормально – ему, офицеру флота, прошедшему жестокую войну и не кланявшемуся японской шимозе, иметь расстроенные нервы – моветон-с. Тем более в мирное время, у благодатного Черного моря, контролируемого флотом – его, адмирала Эбергарда, флотом... Максимум, что могло ему грозить, – это происки морского министра Григоровича. Правда, стоит признать, что как раз последний-то и впрямь может вымотать все нервы, но Эбергард относился к его недовольству спокойно. В конце концов, он пока что в фаворе у императора, да и поважнее есть дела, чем склока с далеким недругом. К примеру, организовать учебные стрельбы, и, хотя Андрею Августовичу постоянно пеняли за перерасход средств, он лишь отмахивался. Итоги последней войны еще были свежи в его памяти, и, получив под начало лучший в России флот, он взялся за боевую подготовку всерьез. Пожалуй, если бы при Цусиме оказались корабли, экипажи которых были бы подготовлены так, как у него сейчас, японцев раздавили бы походя, но Эбергарду этого было мало. И корабли снова и снова выходили в море, и стреляли, и

маневрировали... Больше всех, пожалуй, да и то сказать, какие там все. На Тихом океане после того позорного поражения мало что осталось, на Балтике – тоже. И хотя на стапелях уже стояли гиганты-дредноуты, но набирать прежнюю мощь исполина флот будет еще очень-очень долго. Особенно когда средств не хватает, и бюджет трещит по швам. Эбергард, человек редкой для военного широты взглядов, хорошо понимал – не все ладно в империи, и внешний лоск зачастую прикрывает такое, что становится жутко. Так не из-за этого и понимания у него проблемы со сном?

Как бы то ни было, но это повторялось раз за разом. Среди ночи Андрей Августович просыпался от мерзкого ощущения, что чья-то холодная рука копается у него в голове. Пренеприятнейшее ощущение, кстати, словно мозг берут в горсть и переворачивают. Адмирал просыпался в холодном поту и с дикой головной болью, которая, впрочем, почти сразу же проходила, не оставив и следа. После этого он долго не мог уснуть, бродил по комнатам, выходил на балкон, но постепенно возбуждение уходило, накатывала усталость, и Эбергард вновь засыпал, на этот раз уже без сновидений, будто проваливаясь с головой в темный холодный омут.

Естественно, происходящее не добавляло командующему Черноморским флотом душевного равновесия, и сегодня ему стоило огромного труда сдержаться и не наорать на подчиненных, хотя, конечно, они частенько этого заслуживали. В самом деле, ошибки, которые они допускают, прости-

тельно мичманам и лейтенантам, но не ранговым офицерам. Увы, даже война и сопутствующие ей бунты не научили многих старших офицеров ничему, и капитаны второго и первого рангов, командиры броненосцев и крейсеров, пребывали в благодушном настроении, расслабляясь, словно находились не на службе, а на модном курорте. Да и то сказать, маловато их было здесь, тех, кто прошел позор Порт-Артура и ад Цусимы. Все же из Черноморского флота воевали немногие, а жаль...

Однако же вечер. Андрей Августович отодвинул бумаги, с которыми работал, мрачно посмотрел на дверь спальни. Идти туда категорически не хотелось, он и работу-то с собой взял, будем говорить честно, чтобы отвлечься и оттянуть этот момент, но деваться некуда. Спать надо в любом случае, тем более что от места, где он заснет, ничего не зависело. Один раз пробовал – заночевал на «Пантелеймоне», и что в результате? Да то же самое. Так что оставалось выцедить небольшую порцию коньяка, так, на сон грядущий, и постараться не думать о ночных переживаниях.

Но на этот раз все было по-другому. Войдя в спальню, адмирал не успел даже снять домашний халат, как был ослеплен ярким зеленоватым сиянием. Может, и не таким ярким, конечно, но глаза, успевшие привыкнуть к сумраку, отреагировали болезненно, заставив адмирала инстинктивно вскинуть руку, прикрывая их ладонью. И в тот же миг свет померк...

– Простите, мы не рассчитали с яркостью. – Голос, раздавшийся словно бы ниоткуда, был спокоен, но некоторые чуть заметные нотки раскаяния в нем при желании все же можно было уловить. Адмирал опустил руку и с удивлением обнаружил, что в комнате он один... и не один.

Больше всего увиденное напоминало картинку в синема-тографе, но, в отличие от нее, безо всякого экрана, а буд-то объемную, висящую в воздухе. И не черно-белую, а зе-леноватую, слегка мерцающую. Линии были резковаты, как на картинах начинающих художников, но это не раздражало, зато позволяло видеть ее в мельчайших деталях. Их, правда, имелось немного – небольшая комната, кресло и сидящий в нем человек. Именно он и говорил, во всяком случае, губы его шевелились в такт словам.

– Пожалуйста, Андрей Августович, не стоит паниковать...

Раздражение, копившееся в последние дни, при этих сло-вах выплеснулось, наконец, наружу.

– Это что, какой-то идиотский розыгрыш? – Губы адми-рала скривились в презрительной усмешке. – Если да, то вы выглядите не лучшим образом. И не мешало бы представить-ся, разговаривая со старшим.

– Это с чего бы? – Человек улыбнулся, открыто и совер-шенно обезоруживающе, и к собственному удивлению ад-мирал почувствовал, как раздражение уходит, уступая место любопытству.

И все же он продолжил разговор в прежнем тоне:

– Во-первых, это обычная вежливость, правилам хорошего тона вас учили или нет? А во-вторых, я все же заметно старше вас.

– М-да, я прошу извинить, не учел. – Отповедь Эбергарда явно немного смутила собеседника. – Дело в том, что, когда мы в форме, срабатывает условный рефлекс. Вот здесь, – пальцы его скользнули по нашивке на левой стороне груди, – указаны имя и звание, а погоны остались только на парадных мундирах. Но я еще раз прошу извинить, надевать парадку лишний раз не хочу – редкостно неудобная она. Касаемо же старшинства, вы не совсем правы. Вы старше по возрасту, я – по званию. Но, так как я знаю, с кем имею дело, а вы нет, то, пожалуй, и действительно стоит представиться. – Тут мужчина резким движением встал с кресла, оказавшись на голову выше Эбергарда. – Адмирал военно-космических сил Земной Федерации Титов Лев Сергеевич.

– Вице-адмирал Эбергард Андрей Августович, – механически ответил комфлотом и тут же усмехнулся: – А вы не слишком молоды для своего чина? И что это за федерация?

И впрямь, этому самозваному адмиралу на вид можно было дать лет тридцать, не более. Однако он лишь улыбнулся в ответ:

– Я в полтора раза моложе вас, Андрей Августович. Выгляжу, по вашим меркам, заметно младше своих лет, но просто у нас живут намного дольше и старятся люди, соответственно, медленнее. Касаемо же звания – ну, так уж получи-

лось. Воевал много.

– И где, если не секрет? – ядовито осведомился Эбергард.

– А это уже не важно, вам это все равно ничего не скажет.

Андрей Августович на миг задумался. Сказанное не было лишено смысла. Когда вокруг рвутся снаряды, чины и орден и впрямь дают быстрее. Естественная в бою убыль офицеров дает вакансии, которые надо кем-то заполнять, а продвигаются на войне храбрые и решительные, поэтому орлы на погонах и награды на груди действительно появляются у многих, кто в мирное время если и продвинулся бы, то куда позже. Молодость объяснима, но как быть с самими войнами? Эбергард считал себя профессионалом и знал, причем детально, о любой хоть сколько-то значимой войне на планете, тем более о морской войне. Их и было-то – по пальцам одной руки можно пересчитать. Именно это он и озвучил собеседнику и с интересом начал ждать, как тот будет выкручиваться. Однако тот, очевидно, был готов к подобным сомнениям.

– Мы – ваши потомки, как ни странно вам это слышать. Давайте так. Сейчас вы мне ни за что не поверите, мои слова будут казаться вам бредом сумасшедшего. Мы встретимся с вами через месяц, в это же время, и на ваших плечах в тот день уже будет третий орел. Это произойдет четырнадцатого апреля, но я не знаю, какова церемония повышения в звании, не интересовался, простите уж. Так что неделю привыкнуть к новому чину я вам дам.

– Ха! – Эбергард не скрывал сарказма. – Да скорее меня снимут с этой должности, чем Григорович допустит мое повышение.

– Вы преувеличиваете влияние Григоровича. Во всяком случае, на этом этапе. Министр остается министром, но последнее слово в империи принадлежит не ему. И все же, вы согласны, что, если в названный мною день произойдет предсказанное событие, выслушать меня стоит более внимательно?

– Согласен. – Разговор заинтриговал адмирала.

– Это хорошо. И не волнуйтесь, с этого дня вы будете спать спокойно.

– Хотите сказать, что вы портили мне сон? – Адмирал почувствовал, как в нем вновь поднимается улегшееся было раздражение.

– Каюсь, мы. Вначале пытались донести информацию непосредственно через ваш мозг, но он просто не справился. Все делалось в спешке, торопливо, и мы не учли, что мозг наших современников привык работать с более насыщенным потоком информации, чем у вас. Соответственно, вы просто оказались не в состоянии принять информационные пакеты. Нам пришлось срочно переигрывать, воспользовавшись более легким для вашего разума визуальным контактом.

Показалось, или, говоря про разум, собеседник с трудом удержался от того чтобы не сказать «примитивный»? Впрочем, адмирал решил не заострять этот вопрос. Вместо этого

он задал другой:

— А почему вы не пошли на такой вид контакта сразу, вместо того чтобы пять раз подряд вновь и вновь стучаться в мои сны?

— Дорого и долго. — Ответ был неожиданным. — Сейчас мы за минуту тратим энергии столько же, сколько потратили за те пять раз, вместе взятых. Впрочем, это не столь принципиально, мощностей нам пока хватает...

Эти слова «потомок» произнес, уже растворяясь в воздухе. Он оставил Эбергарда в тяжелых раздумьях, но, надо признать, не соврал — эту ночь командующий Черноморским флотом спал спокойно.

Следующая их встреча произошла тогда, когда, как и предсказывал Титов, плечи Эбергарда и впрямь украшали новые погоны. На сей раз он предпочел быть при параде, а не в халате — все же неловко он себя в нем чувствовал. Вновь неяркий свет, и вновь картина, правда на сей раз более четкая. И одет Титов был иначе — в расшитый золотом мундир со стоячим воротником, и вправду неудобный даже на вид. Погоны, правда, оказались похожи на те, что носил сам Эбергард, только вместо орлов там были драконы с рубиновыми бусинками глаз. И вид у него тоже был не ахти — даже схематичность изображения не могла скрыть ввалившиеся глаза и резко заострившиеся скулы. Впрочем, он выглядел бодро.

— Добрый вечер Андрей Августович! Ну что, вижу, теперь

я могу вас поздравить?

– Можете. – Настроение Эбергарда было сегодня даже немного приподнятым. – А вот вы что-то выглядите так себе. Заботы?

– Что поделать. У нас-то с прошлого разговора прошло меньше часа, и я даже кофе выпить не успел. Зато ругался со снабженцами, а вы сами знаете, что это такое.

Эбергард понимающе вздохнул. Да уж, эта вороватая братия испортит настроение кому угодно. Но вряд ли его собеседник появился здесь для того, чтобы обсуждать известные беды вроде дураков, поэтому, кашлянув, адмирал поинтересовался:

– И чем вы меня обрадуете?

– Обрадую? – Показалось, или усмешка на губах собеседника вышла скептической и горькой? – А вот тут вы, Андрей Августович, ошибаетесь.

– И в чем же? – Эбергарда было сложно напугать, но сейчас в голосе Титова он почувствовал грядущие неприятности и попытался усилием воли отогнать их прочь. Получилось не очень.

– Да в том, что будет немного поводов для радости. Ну, скажем, очень вас обрадует тот факт, что вашей стране осталось существовать чуть более четырех лет? А сами вы умрете практически ровно через шесть лет, в нищете, успев посидеть в тюрьме? Что через год с небольшим случится война, которая втянет в себя весь мир, а через двадцать лет после ее

окончания будет еще одна, по сравнению с которой предыдущая покажется небольшой колониальной экспедицией? А потом вся планета покатится под откос, да так шустро, что мы все окажемся на грани выживания...

– Подробности, пожалуйста. – Адмирал не был трусом, но спокойному, даже какому-то мертвому голосу Титова он поверил сразу.

И Титов рассказал. Спокойно, четко, по-военному, приводя только факты, предупредив, что некоторые из них могут быть недостоверными, поскольку времени прошло много, а архивы неполны. Чувствовалось, что он немного предвзят, да Титов и не скрывал это, но Эбергард его понимал – русский должен оставаться патриотом России в любой ситуации, а что вокруг одни враги, пожилой адмирал знал по собственному опыту. Пожалуй, именно это убедило его, что Титов говорит правду, и от осознания столь мрачного факта на душе становилось еще хуже.

И все же его не зря назначили командовать флотом, думать и анализировать Андрей Августович умел в любой ситуации. А главное, он умел это делать быстро, и, когда Титов закончил, адмирал почти без паузы спросил:

– Однако же есть шанс, не так ли?

– Да, – кивнул Титов. – Вы очень... проницательны.

Похоже, на языке у него вертелось какое-то другое слово, но Эбергард предпочел не обращать внимания на такие мелочи. В конце концов, их разделяют больше пяти веков, и

язык мог измениться до неузнаваемости. Однако на реплику собеседника он все же решил ответить – пусть знает, что они здесь тоже не щи лаптем хлебают, а то нет-нет да и прорывается у него тень высокомерия. Ну да, они там больше знают, но вот умнее ли – это интересный вопрос.

– Это просто. Вы сами сказали, что, по сути, на краю гибели, но при этом тратите время. Стало быть, вам что-то очень от меня надо, и, скорее всего, вы с моей помощью думаете решить свои проблемы. Я прав?

Титов несколько раз хлопнул в ладоши:

– Bravo, адмирал. Вы абсолютно правы... Не за так, естественно.

– В смысле? – немного удивленно спросил Эбергард.

– Немного подлечим, немного омолодим, это несложно, и энергии на это хватит. Проживете заметно дольше. Плюс займете место куда выше того, которое имеете сейчас, но этот момент зависит уже только и исключительно от вас.

Вроде бы в словах Титова не было ничего оскорбительно-го, но Эбергард отчего-то почувствовал себя задетым. Медленно встав, он раздельно произнес:

– Я русский офицер, и не нуждаюсь...

– Так, стоп. – Титов поднял руку, прерывая его монолог. – Прошу не обижаться. У нас все же чуточку разные взгляды на жизнь. Но прошу не отказываться. Молодой и здоровый человек в бою предпочтительнее, да вы сами это прекрасно понимаете.

Тут крыть было нечем. Эбергард кивнул, неспешно сел на свое место и поинтересовался:

– Ваши планы?

– Как вы уже поняли, в истории нашей страны проигранная Русско-японская война стала точкой перелома. Если бы Россия победила, история пошла бы совсем по другому, благоприятному, пути. Наши аналитики просчитали...

– И что? – Эбергард прищурился.

– Победив, Россия выставила бы Японии огромные счета и невыполнимые условия. Учитывая, что сопротивляться островитяне уже не смогли бы, а выполнение требований победителя ставило их на грань жизни и смерти, они воззвали бы к Британии. А те бы, соответственно, вмешались.

– Учитывая, сколько они вложили в Японию, это и неудивительно, – хмыкнул адмирал. – Но это...

– Именно так. Но, как вы знаете, победа к сговорчивости не располагает, и на дипломатическом уровне у британцев ничего не выйдет. С вероятностью свыше девяноста процентов это война, которая закончится с ничейным результатом – на море сильнее британцы, но серьезной армии у них в тот момент не было, а прорваться сквозь минные заграждения Финского залива нереально. С меньшей степенью вероятности на стороне Великобритании вмешаются САСШ, но они, в своей обычной манере, предпочтут продавать и нашим, и вашим. Так что участие непосредственно в войне с их стороны окажется минимальным, зато они будут торговать со все-

ми, зарабатывая на этом большие деньги, и под шумок откусят у Британии часть колоний, а заодно аннексируют пару японских островов. Однако это не столь критично. Главное, что вследствие этой войны образуется союз России и Германии. В результате столь интересного альянса мировая война пойдет по совсем другому сценарию, а второй, скорее всего, не будет совсем. Меньше жертв, а главное, образование двух соперничающих блоков. Это, по расчетам наших специалистов, может позволить проскочить опасный этап, исключив период застоя, и вывести цивилизацию к звездам намного раньше.

– Может позволить... А может и не позволить, так?

– Именно. – Титов вздохнул. – Но выбора у нас нет, и хуже, как говорится, не будет.

– Понятно. А скажите... Вы говорили о том, что могло бы произойти, в будущем времени. Это оговорка, или...

– Нет. Дело в том, что мы предлагаем вам изменить прошлое.

После этой фразы Эбергард молчал целых три минуты. Его собеседник тоже ничего не говорил, только внимательно глядел на него. Поразительное терпение. А Эбергард обдумывал его слова, и ему казалось, что он сошел с ума. Однако проснуться все никак не удавалось, и, наконец, он решился:

– Каким образом?

– Довольно просто. Мы переместим вас в прошлое. Не очень далеко, в девятьсот четвертый год, сразу после фев-

раля. Точное время не скажу, тут много факторов, разброс плюс-минус три месяца.

– И что я дальше? – саркастически поинтересовался адмирал.

– Как что? Воевать, разумеется. Мы переместим вас с кораблями. Общее водоизмещение кораблей – до двадцати пяти тысяч тонн, больше наша установка не потянет.

Однако... Такой отряд, с подготовленными экипажами, может и впрямь немного изменить расклады. Думал Эбергард быстро.

– Я вас понял. Мне нужно обдумать состав отряда. – Адмирал махнул рукой, на него все сильнее наваливалась усталость. – Если вы правы – это шанс. Мне надо обдумать, какие корабли можно использовать.

– Не более месяца, опять же. Тут куча факторов, я в них, честно говоря, не очень хорошо разбираюсь – все же обычный космонавт, а не ученый.

– Понятно. Корабли должны оказаться именно в тех водах?

– Без разницы, переместим хоть из порта. Откуда угодно и куда угодно, затраты энергии на это, по сравнению со всем остальным, копеечные.

– И последний вопрос... Почему именно я?

Титов посмотрел ему в глаза, улыбнулся:

– Не скрою, были иные варианты. Их задействовали бы, если бы вы не согласились. К примеру, фон Эссен. В неко-

торых отношениях он даже предпочтительнее вас.

– Тогда я повторю свой вопрос.

– Не стоит, я его помню. Дело в том, что необходимо сохранить происходящее в тайне, иначе могут случиться накладки, а фон Эссен – человек Григоровича, или, как минимум, лояльный к нему. Это создаст массу сложностей. Вы же, так получилось, сами по себе, это заметно упрощает процесс. Как моряки вы примерно одинаковы. Да, фон Эссен несколько лучше проявил себя в качестве лихого командира крейсера, а потом и броненосца, зато вы дважды спасали эскадру от поражения, будучи всего лишь флаг-капитаном. Были и другие варианты, но в данном случае вы оказались предпочтительнее. Словом, мы остановили выбор на вас. Думайте. Я свяжусь с вами через месяц, при этом ваше местонахождение роли играть не будет.

В эту ночь адмирал Эбергард не спал. Сидел в глубоком кресле, пил крепчайший кофе и думал. Нет, решение он принял сразу и отступать не собирался, однако сам процесс... С одним, ну, двумя кораблями вмешиваться в войну было, мягко говоря, рискованно. Да и не воспримут его там, во всяком случае, сразу – Эбергард хорошо помнил, что происходило в Порт-Артуре. Оказаться там с еще одним кораблем – и потерять его, как и остальные... Или присоединиться к Рождественскому и потерять его в Цусимском сражении, разве что прихватив с собой еще кого-нибудь... Стало быть, необходимо оказаться за пределами этих двух... как сказал Ти-

тов? Гиблых мест? Очень точно выразился, ничего не скажешь.

Итак, рассчитывать надо на себя, действуя автономно. Ну, это не проблема. Если и впрямь его могут перебросить в любую точку океана, то лучше всего оказаться в открытом море, желательно недалеко от побережья Японии. Там можно использовать корабль, или корабли, как рейдеры. У Владивостокского отряда это получалось здорово. Есть, правда, шанс, что зажмут японцы, но для этого им придется еще найти его корабли, а на худой конец можно и в тот же Владивосток уйти. Точку своего появления в прошлом надо обдумать и рассчитать, но принцип ясен.

Теперь по кораблю. Какой подойдет? Андрей Августович подпер рукой щеку и задумался. Двадцать пять тысяч тонн... В эти параметры вписываются пара любых броненосцев. Взять тот же «Евстафий»... Нет, два таких корабля уже не впишутся, а жаль. Но можно взять мателотом что-нибудь меньших размеров. Два броненосца, к тому же с лучшей, чем в то время, броней – это уже сила, вот только что с ними делать? Дальность плавания черноморских броненосцев менее двух тысяч миль. Кончится топливо – и встанет корабль посреди моря. Взять уголь в перегруз? Много ли возьмешь, а потом еще и кувырнешься от нарушения остойчивости, как при Цусиме. Скорость тоже слишком мала. В общем, эта затея ход войны не изменит, а привязываться опять-таки придется к Владивостоку.

Эх, как быгодились новые дредноуты – но еще ни один из них не достроен. А ведь если Крылов все правильно рассчитал, то и скорость, и дальность этих монстров, не говоря уж о вооружении, вполне удовлетворяли бы условиям задачи... Хотя нет. Силовая установка – турбины, повреждения, случись что, не устранить. К тому же это все игры ума, не более – таких кораблей у России в любом случае пока нет.

Что еще остается? Крейсера, миноносцы, подводные лодки... Крейсера на Черном море старые, не по годам постройки, а по конструкции. Адмирал выругался про себя. Что за век такой? Корабли морально устаревают еще на стапелях, а учитывая скорость работы отечественных верфей... В общем, не стоит о грустном. В любом случае такие корабли не изменят раскладов той войны. Миноносцы – то же самое, да и при любых раскладах не решат они ничего. Подводные лодки – они, разумеется, перспективны, тем более, если верить тому, что рассказал Титов. Вот только случится это еще не скоро. Пока же эти ныряющие корыта годятся для береговой обороны, не более того, а войну обороной не выиграть.

Адмирал встал и прошелся по комнате, с силой растирая виски – голова от нелегких дум и крепкого кофе начинала болеть. По всему выходило, что его флот, самый мощный на сегодняшний день флот Российской империи, ничего не мог ему дать. Не годились черноморские корабли на роль вершителей судеб. Все вместе – да, без проблем, но в тех условиях, которые ему поставили, – ни в коем разе. И хоть головой об

стену бейся, это все равно ничего не изменит. Вот только как сказал Титов? Выход есть всегда?

Итак, проблема в том, что на Черноморском флоте нет подходящих кораблей. Где в России они могут быть? Только на Балтике, поскольку во Владивостоке сейчас не базируется ничего серьезного. Эбергард задумался. А ведь там и вправду кое-что есть. Положение восстанавливаемого практически с нуля флота имеет одно преимущество – самая лучшая, наиболее современная техника идет именно туда. Жаль, конечно, что и там нет дредноутов, но и без них кое-что найти можно. Броненосцы, конечно... барахло, а не броненосцы, чего уж там. Чего они стоят, Цусима хорошо показала. Французская диверсия, а не боевые корабли – вот что это. Скорость, конечно, повыше, чем у черноморских собратьев, но броня тоньше, а вооружение заметно слабее. И водоизмещение огромное – тоже минус. Запас хода, правда, больше, ну да что с того? И потом, они уже порядком изношены, особенно побывавший в нескольких серьезных боях «Цесаревич», командиром которого Эбергарду едва не пришлось стать. Да и «Слава» после той аварии, случившейся три года назад, даже с учетом французского ремонта вряд ли стала лучше. Соответственно, парадный ход у них узлов шестнадцать, может, даже меньше – балтийцы об этом говорят неохотно, честь мундира берегут, но и так ясно, что эти корабли отнюдь не скороходы. Остальные корабли этого класса еще старше, их даже учитывать не стоит, а потому надо

признать – от идеи использовать броненосец придется отказаться.

А вот с крейсерами интереснее – многие из них достаточно современны, или, точнее, не слишком изношены. Итак, что там имеется. Ветеранов последней войны вроде «Олега» и «Авроры» можно отбросить сразу – они, скорее всего, окажутся столь же малоэффективны, как и в прошлый раз. «Паллада» и «Баян»... Это уже серьезнее, но, опять же, корабли эти мало чем отличаются от своих предшественников, доставшихся в конце концов японцам. Да и дальность плавания того же «Баяна» чуть более двух тысяч миль экономичным ходом. Лучше тогда уж «Евстафия» брать, в плане дальности разница минимальна, а по огневой мощи и защите эти корабли не идут ни в какое сравнение.

А вот «Рюрик»... Тут Эбергард буквально подавил недостойное воспитанного человека желание облизнуться. Четыре тысячи миль экономичным ходом и больше двух тысяч на полном. По паспорту двадцать один узел, в реальности, возможно, и будет разница, но небольшая. Вооружение даст фору любому броненосцу – четыре десятидюймовых орудия плюс четыре двухорудийные башни с восьмидюймовками. Защита, конечно, хуже, чем на броненосцах, но ненамного, а учитывая то, что японцы стреляли в основном фугасами, ее можно считать достаточной. Этот монстр вполне способен нанести коммуникациям противника такой урон, что никому мало не покажется, а без коммуникаций Япония – мел-

кий и злобный карлик, не более. И минусов всего два – за-предельное для крейсера, свыше пятнадцати тысяч тонн, водоизмещение и статус. Кто же отдаст ему, командующему на Черном море, флагман Балтийского флота? Удавятся, но не отдадут.

Но тем не менее это уже вариант. К тому же... Эх, как жаль, что не получится обговорить нюансы с Титовым. Придется договариваться или с Эссеном, или с Бахиревым, его нынешним командиром. Оба не слишком жаловали Эбергарда, но попробовать можно. Ой, не хочется на поклон идти. Или, на худой конец, поставить их перед фактом, просто организовав перенос без их ведома? Как аварийный вариант оставить «Евстафий»... Черт, а задачка-то начинает складываться.

Что еще интересного есть на Балтике? Пожалуй что только новейший миноносец «Новик». Тридцать шесть узлов хода, а кто-то говорил, что и больше может выдать. Четыре четырехдюймовки, восемь торпедных аппаратов, мины, солидная автономность... Не пойдет! Ай-ай-ай, как обидно, но – не пойдет. Его котлы рассчитаны на нефть и при всех плюсах имеют один, но зато несомненный минус – их там нечем будет заправлять. Остальные же миноносцы, к сожалению, выдающимися характеристиками не отличаются, равно как и подводные лодки.

Ну что же, Андрей Августович плюнул мысленно на головную боль и позвал вестового. Тот прибыл моментально,

в струнку вытянулся у двери, преданно, как собака, глядя на адмирала. Пожалуй, в этом взгляде был он весь – для него Эбергард и впрямь царь, бог и воинский начальник. Как получилось, что через несчастные четыре года такие вот матросы поднимут на штыки тех, кто вел их в бой? Не ошибся ли Титов? Или, может, соврал? А зачем ему это? Ох, адмирал, тяжкую судьбу ты выбрал, связавшись с пришельцем из будущего...

– Голубчик, свари мне еще кофе...

Матрос испарился, будто его тут и не было. Все правильно, так и надо выполнять приказы – быстро, точно и бесшумно. К тому же конкретно этот за годы службы у Эбергарда научился заваривать кофе так, как он любил, да и вообще до мелочей изучил его привычки. Хоть это радовало.

Ну а пока он шурует на кухне, можно продолжить анализ ситуации. Итак, с одним кораблем определились. Второй... Может, все же «Баян»? По водоизмещению вписывается вроде, а что вооружение так себе, то и ничего страшного. Не в линейные сражения идти. Вот только появляется вопрос, сколько два корабля там продержатся. Уголь – ладно, как-нибудь угольщик перехватить всегда удастся, а как быть со снарядами? Один хороший бой – и стрелять будет просто нечем. Что-то можно найти во Владивостоке... Мало мощное и далеко не всегда взрывающееся. Новые снаряды куда эффективнее, но сверх боекомплекта взять их можно совсем немного, а старые уже себя показали. И получается,

нет разницы, один будет крейсер или два. Расстреляют боезапас – и на том успехи кончатся.

Адмирал не заметил, как вестовой бесшумно принес и поставил кофе. Сейчас все, что его интересовало, сконцентрировалось в одну маленькую точку, мысль – что важнее, паралишних восьмидюймовок или несколько боекомплектов. И в конце концов расчеты победили. Транспортный корабль, к примеру «Херсон». Правда, он чуточку больше, чем нужно, но совсем ненамного, зато хорошая скорость и вместительные трюмы. А потомки его пропихнут, никуда не денутся. Во-первых, Эбергард был убежден, что Титов наверняка подстраховался, как раз на такой случай, а во-вторых, им надо – вот пускай и думают, как решить вопрос. Зато транспорт – это запас снарядов и запчастей, мобильная база, неприкосновенный запас угля, на самый крайний случай. Еще и людей можно на нем разместить, для восполнения убыли экипажей, потому что шимоза – это не фунт изюму, и людей выкашивает будь здоров. Хотя...

Идея, пришедшая в голову адмиралу, в первый момент самому ему показалась дикой. Всю прошлую войну Россия оборонялась. Даже если ее корабли и устраивали резню на океанских коммуникациях противника, это все равно были не более чем рейды, по сути та же оборона. А вот японцы атаковали, высаживали то десанты, то целые армии. Так почему бы не поступить с точностью до наоборот? Пара сотен хорошо подготовленных людей, тех же казаков, в тылу про-

тивника могут такого наворотить!

Вдохновленный новой идеей, адмирал вскочил и нервно прошелся по комнате. А ведь правда, такой вариант вполне может сработать. Получится раз – так после этого можно набрать людей в том же Владивостоке, а не получится – потери невелики. Рисковать – значит, рисковать. И как там говорил Титов? Забудьте о цивилизованной войне? На вас напали, ударили в спину – так будьте же безжалостны? А ведь он прав, черт возьми!

Как ни странно, эта мысль успокоила Эбергарда. И сразу же после этого навалилась усталость. Когда вестовой осторожно заглянул в дверь, он увидел, что адмирал спит, откинувшись в кресле, а перед ним, на столе, поблескивает в свете рождающейся зари чашка с так и не выпитым кофе.

Малый Алтай. Научно-исследовательская база.

Центр темпоральной связи

– И что ты ему наплел?

– То, во что он поверит, – безразлично пожал плечами Титов. – Я, может, и не прав, но в союз с немцами он подсознательно верит – тогда у многих такое заблуждение имелось. Или я ошибаюсь?

– А черт его знает. С нашими-то обрывочными сведениями.

– Вот именно. И он купился. А знать о том, через какие войны его стране придется затем пройти, чтобы наш план сработал, ему вовсе не обязательно.

– Логично. – Профессор замедленными, усталыми движениями помассировал виски. – Думаешь, справится?

– Все может быть, и быть все может, и лишь того не может быть, чего совсем уж быть не может. Хотя... и это может быть.

Профессор несколько секунд хмурился, пытаясь сообразить, что за ахиною выдал Титов, а потом громко рассмеялся. Адмирал тоже улыбнулся – все же за последние дни они, суровый военный и молодой ученый с амбициями, спелись, будто знали друг друга вечность.

Кстати, Ольга оказалась двоюродной сестрой Кораблева, он ее на свою базу и устроил. Это, конечно, не приветствуется, но на маленьких планетах такое случается сплошь и рядом, на землячество и прочие мелкие нарушения принято закрывать глаза. Честно говоря, Титов был ему за такое нарушение даже благодарен. Правда, охмурял он даму, на взгляд окружающих, излишне аккуратно. Не то, казалось бы, время, долгим свиданиям и прогулкам под луной оно способствует мало. Так можно умереть и до того, как дама ответит взаимностью, однако адмирал не пытался ускорить процесс. Было в нем что-то... полузабытое, умиротворяющее. Впервые за много лет, гуляя под руку с девушкой, он вновь чувствовал себя молодым. И плевать, что там думают окружающие!

– И все же, боюсь, он напутает. – Профессор взмахнул пустой кружкой, словно флагом. – Все же тогда мыслили совсем иначе.

– Кофе лучше налей, – усмехнулся адмирал и, получив требуемое, спросил: – И что ты предлагаешь?

– Еще раз с ним поговорить. Так, для контроля.

– Через месяц, их месяц, перенос, точка отбита, аппаратура настроена.

– И что? Мы тебя на встречу направим хоть через час, хоть завтра утром. Время пока не имеет значения. Так что организовать промежуточный визит несложно.

– Кто-то мне говорил, что не сумеет обеспечить тонкую настройку, и минимальный интервал визитов как раз ме-

сяц, — ядовито заметил Титов. — Или мы можем сместить момент переброски?

— Настроить тоньше можем, — вздохнул профессор. — Но это сложно и долго. Слишком там много факторов, по их, да теперь и по нашему времени мы в жестком цейтноте. А момент переброски, ты прав, не критичен. Не так уж все завязано на конкретную точку перехода. Пересчитывать, конечно, много пришлось, но дело того стоило. Все же вряд ли они там за месяц подготовятся, жили в те времена неспешно. Так что я подумал-подумал — и расстарался. Целый день вчера работал, можешь удивляться моему героизму.

— Удивляюсь, — кивнул Титов. — Тебе от этого легче?

— Считай, что так. Когда?

— Давай завтра, с утра. Сегодня мне надо хоть немного отдохнуть.

Российская империя. 1913 год. Санкт-Петербург

Сказать, что Эбергард устал, значит ничего не сказать. И дело не в силах, которые ему потребовались на подготовку, – здесь как раз не было ничего особенного. Загрузить под завязку транспортный корабль было вполне в его компетенции. Сложнее обеспечить ему проход через проливы – турки, контролировавшие выход из Черного моря, очень любили подчеркнуть, что именно они здесь хозяева, и волокиту тянули со страшной силой. Однако это было в порядке вещей, ожидаемо и потому не слишком утомительно. Куда хуже пришлось ему здесь, в Петербурге.

Эбергард, как и любой дворянин, очень не любил чего-то просить, ставя себя тем самым в униженное положение. Да и то сказать, попросишь – возникнут закономерные вопросы, зачем ему это потребовалось. Вот и пришлось идти окольными путями, преподнеся свою мысль Эссену под видом не просьбы, а предложения равного равному. Не то чтобы особо важного предложения, но тем не менее требующего рассмотрения.

Дело в том, что Эбергарду необходимо было позаботиться, помимо прочего, и о собственной репутации. Вдруг у потомков не выгорит с их переносом, и что тогда? А тогда ведь

найдется куча людей, которые начнут задавать вопросы, зачем это адмирал распотрошил склады и послал за казенный счет крупный пароход в круиз вокруг Европы. Конец карьеры, подмоченная репутация... Хотя пока что они не обманывали – за последние два месяца адмирал и впрямь помолодел. Разгладились морщины, легче стала походка, исчезли мелкие, но неприятные болячки, типичные для всех людей его возраста. И все равно, подстраховаться стоило. Первоначальная идея прямо у причала взять да и пришвартовать «Херсон» к «Рюрику», а потом дать сигнал на перенос, в организационном смысле наиболее простая, была им отброшена именно по этой причине. Вот и пришлось искать обходные пути. Хорошо еще, что предлог лежал на поверхности.

Здесь, на Балтике, в отличие от Черного моря, хватало тех, кто помнил войну. Причем не как что-то далекое – участников ее хватало, от матросов до адмиралов, тех, кто горел, и тех, кто тонул. И тех, кто видел бездарно потерянные в Порт-Артуре корабли, а потом угодил в японский плен. И тех, кто ходил в рискованные океанские рейды – единственные операции той войны, которые можно было, пусть и с натяжкой, признать удачными. Удачными потому, что русские крейсеры поставили тогда экономику Японии на колени. А с натяжкой – да потому, что первое же сражение, когда адмирал Камимура сумел-таки вынудить к нему Владивостокский отряд, поставило на этих рейдах жирный крест. Потеря броненосного крейсера и тяжелые повреждения еще двух

разом перечеркнули все успехи русских моряков.

Тем не менее крейсерские рейды оставались эпизодом, о котором русские моряки вспоминали с гордостью. И командующий Балтийским флотом адмирал Эссен, и командир «Рюрика» капитан первого ранга Бахирев были ветеранами той войны. Пусть сами они воевали тогда в Порт-Артуре, но успехи владивостокцев помнили, и предложение Эбергарда для них выглядело логичным. Пускай командующий Черноморским флотом и оставался в оппозиции к морскому министру, однако, если хорошая идея пришла на ум не тебе, а конкуренту, стоит ли ее отбрасывать? О флоте, так или иначе, радели они все, и потому предложение Эбергарда, после долгих споров и сомнений, решено было проверить на практике.

Все хорошо помнили, какие проблемы были у крейсеров в тех рейдах. Недостаточная дальность хода, поломки механизмов, вечная экономия боезапаса – и ни единой возможности исправить ситуацию, кроме как вернувшись в родной порт. Могли бы помочь заблаговременно устроенные на побережье материка или островов базы, хотя бы угольные станции, но до войны ничего сделано не было. Да и вряд ли удалось бы долго сохранять их существование в секрете, а без прикрытия, при господстве на море кораблей противника, уничтожить такую базу дело нескольких минут. Идея, предложенная Эбергардом, витала в воздухе давно. В конце концов, эскадры таскали с собой корабли-угольщики, и полез-

ность их была налицо. Эбергард просто довел мысль до логического завершения, предлагая включать в состав крейсерской эскадры быстроходный транспорт с грузом угля, снарядов, запчастей, продуктов. Со станочным парком, пусть и небольшим, ну и с парой-тройкой орудий, позволяющих использовать корабль в качестве вспомогательного крейсера. На последнее, правда, и Эссен, и Бахирев смотрели весьма скептически, в бою один осколок – и груженный снарядами корабль превратится в пар, однако идея выглядела красиво, во всяком случае в теории. Да и насчет орудий не возражали, от миноносцев, случись нужда, все равно надо как-то отбиться. А раз уж Эбергард предоставляет полностью укомплектованный и подготовленный корабль обеспечения, тем лучше, самим меньше возиться. Единственно, удивляло их, что Андрей Августович настаивал на участии в эксперименте новейшего «Рюрика», но и это он смог объяснить. В рейды ведь, если они, конечно, будут, пойдут новейшие корабли, а что у них имеется новее флагмана Балтийского флота? Да ничего. Эссен поскрипел – и согласился, а Бахиреву, младшему и по возрасту, и по званию, оставалось только взять под козырек. Тем более в случае успеха «Херсон» предполагалось оставить здесь – в Черном море для рейдов все равно мало места, а здесь имелся, пусть и теоретически, шанс вырваться на просторы Атлантики.

Предстоящие учения собирались проводить по-боевому. «Рюрик» – с полной загрузкой, с людьми, боезапасом и пол-

ными угольными ямами, «Херсон» – тоже, даже в перегруз. Хотели под балластом, но Эбергард настоял на своем под тем предлогом, что надо отработать перегрузку в море и, желательно, то, что и впрямь будет нужно в войне. За двадцать пять тысяч вылезли уже серьезно. Хорошо еще, потомки к такому оказались готовы. Как объяснил Титов, улыбаясь с таким видом, словно лучшей новости в жизни не слышал, они предусмотрели этот вариант и заложили резерв мощности. И он, Титов, выиграл пари у какого-то профессора – тот утверждал, что моряки, люди ответственные, уложатся в отведенный им лимит, а Титов – что не уложатся, как ни старайся. Посмеялись...

Теперь оставался последний этап – пришвартовать в море «Херсон» к борту крейсера. Титов клятвенно заверил, что больше ничего и не потребуется, скачок массы они зафиксируют, а дальше – их проблемы. Ну, их – значит, их. В конце концов, не получится – значит, флот и в самом деле отработает швартовку и погрузку. Хуже не будет. И репутация не пострадает, а это важно.

Единственно, Эссен изъявил желание лично присутствовать при учениях. Это было его право, спорить Эбергард даже не пытался. Ну что же, значит, они провалятся в прошлое вместе. Друзьями адмиралы не были, но и врагами тоже, скорее соперниками, и лишними там ни Николай Оттович, ни Бахирев точно не будут. Головы у них на плечах имеются, в чем Андрей Августович не раз убеждался. И поквитаться с

японцами оба хотят, поэтому возражать не будут. А и будут
– ничего не изменят...

Малый Алтай. Научно-исследовательская база.

Центр темпоральной связи

Они вновь сидели вчетвером. Адмирал Титов, помешивающий в кружке горячий кофе – привык за это время хлебать его литрами. Его отец, как всегда спокойный и собранный. Профессор Кораблев, не отрывающийся от вирт-окна с какими-то непонятными остальным графиками. Ну и Ольга, куда же теперь без нее. Все вместе они не собирались после первого визита на эту базу, просто смысла не было, да и сейчас, честно говоря, тоже. Хватило бы и одного профессора, ну, самого Титова еще, на всякий случай, но раз уж они вместе это начали, то и последний этап тоже решили проводить вместе, то ли из чувства долга, то ли из интереса, сложно сказать.

– Ну что, господа, я готов, – нарушил молчание профессор. – Момент швартовки зафиксирован. Запускаем установку.

– Ты был готов еще вчера, – поморщился Титов. – Страшно?

– Страшно... Это ведь не шутки.

– А мне почему-то нет.

– Ты рисковать привык, а я в истребителе не летал и флот

в атаку не водил.

– Эй, молодые люди, может, хватит уже? – вклинился в их разговор отец. – У нас, знаете ли, тоже нервы не железные.

Титов и профессор посмотрели друг на друга, синхронно пожали плечами. Затем Кораблев щелкнул кнопкой виртуальной клавиатуры – буднично и совсем не торжественно. Этим простым действием он активировал переход и, одновременно, запускал накрывающий планету генератор силового поля. Чуть заметно вздрогнул пол, когда генераторы вышли на пиковый режим. И – ничего не произошло.

– Вот и все. – Профессор в очередной раз помассировал виски. – Порядок. Теперь надо посмотреть, чем наше предприятие закончилось. А то ведь переход-то оказался не туда.

– В смысле? – Титов медленно встал, подошел к нему. – Как не туда? Ты чего городишь, умник?

– Так не туда. Я ведь предупреждал – работаем в первый раз, технология не отработана, точность можно не обеспечить. Рассчитывали, что переместим их к моменту начала войны, может, чуть раньше, но с твоим перегрузом... В общем, мощности не хватило, и куда их точно забросило, я даже не знаю. Впрочем, это уже не важно. Пошли смотреть, что получилось?

– Пошли. – Больше всего Титову захотелось врезать профессору по безмятежной роже, но смысла не было. Да и потом, сейчас этим уже ничего было не изменить. – Пошли.

Российская империя. 1913 год. Балтийское море

Адмирал Эссен задумчиво смотрел на свинцовую воду, которую легко испаривал острый нос его флагмана. Сейчас, когда «Рюрик» держал всего десять узлов, он даже не образывал бурун. Он вообще был хорош, самый современный, исключая разве что «Новик», корабль Балтийского флота и один из сильнейших крейсеров мира. И наверное, один из последних. Во всяком случае, для Российского флота подобных больше не строили.

Адмирал поморщился. Эбергард, конечно, молодец, но он мыслит категориями прошлого. Да, он хорошо придумал с мобильной базой, но – толку-то? Сейчас в океанских просторах будут править бал совсем иные корабли, с другой скоростью, защитой и огневой мощью. Эти корабли будут опираться на стационарные базы, которые имеются у одной-единственной страны мира, по счастью союзника, хотя в искренность жителей Туманного Альбиона фон Эссен не верил никогда. У всех остальных – так, профанация, даже у немцев. Впрочем, это их проблемы. А вот отсутствие подобных кораблей у России ставит на океанских походах крест, большие крейсера англичан догонят и уничтожат даже «Рюрика». Он, конечно, тоже не легкая добыча, но все же британские ко-

рабли обладают более чем двойным преимуществом в весе бортового залпа. Так что не легкая, способная больно огрызнуться, но все равно добыча. В случае же конфликта с немцами дальние рейды и вовсе не потребуются. Впрочем, будет и у России большой флот, так что опыт, возможно, окажется нелишним. Тем более, раз Андрей Августович все организовал, почему бы и не пойти ему навстречу.

Вообще же состояние флота вызывало у адмирала опасение. Несмотря на далекие шведские корни и приставку «фон» к своей фамилии, Николай Оттович был русским, наверное, более чем многие гордящиеся чистотой крови и выводящие родословную от самого Рюрика. И свое право быть русским он доказал в бою, в то время как многие представители старых родов пили шампанское в модных салонах. И соответственно, как патриота России вообще и флота в частности, его не могло радовать состояние, в котором он пребывал. По сути, сбалансированного флота у России не было до войны с Японией, не было его и сейчас. Даже медленно строящиеся дредноуты не могли изменить ситуацию – Эссен заранее видел их недостатки. Эти корабли получатся достойными соперниками первых британских дредноутов, но у англичан на подходе уже третье поколение, а в России никак не могут достроить первое...

Усилием воли подавив раздражение, адмирал заставил себя переключить внимание на совершающий неторопливые эволюции транспорт. Большой, почти не уступающий разме-

рами флагману, он был по сравнению с боевым кораблем неповоротлив, однако командовал им, похоже, мастер своего дела. Во всяком случае, на сближение он шел уверенно. Эссен поднес к глазам бинокль — ну да, вон и сам Эбергард, стоит на мостике, лично решил контролировать. Надо сказать, это и неплохо, во всяком случае, опыт взаимодействия между кораблями разных флотов надо развивать. И так будто в разных странах живут, скоро друг друга перестанут понимать. Мысли вновь свернули к прошлой войне, когда из-за несогласованности действий и просто недопонимания между командирами кораблей имелаась масса проблем. Например, когда собственный транспорт со снарядами не пустили в порт, и в результате бесценный груз достался врагу. Нет, Эбергард прав, совместные учения проводить надо.

Между тем транспорт уравнивал скорости и медленно, буквально по дюйму, начал сближаться с крейсером. Моряки «Рюрика» сноровисто вывалили за борт плетеные маты, но от взгляда Эссена не укрылось, что на «Херсоне» с этим справились быстрее. Впрочем, им не привыкать, ходили по всему миру, швартовались во всех портах, во всяком случае, часть из них — палубные матросы, похоже, остались гражданскими.

А вот изменения на палубе видны были невооруженным взглядом, и, даже если бы Эссен не видел транспорт раньше, он легко бы их увидел. В самом деле, восемь орудий гражданскому кораблю явно лишние, конструкцией не преду-

смотренные. Их Эбергард привез с собой, в трюме корабля – будь они установлены в Севастополе, турки бы не пропустили корабль. Однако здесь орудия установили в течение двух суток – похоже, эту операцию черноморцы отработали заранее, и палубы подкрепили заранее, еще дома. Эссен усмехнулся – он-то думал, орудий будет максимум четыре, но Эбергард ухитрился установить их вдвое больше, по две на носу и на корме, линейно-возвышенно, как башни на новых британских и немецких дредноутах, и по две на каждый борт. Бортовой залп таким образом довели до шести орудий калибром сто двадцать миллиметров, таких же, как противоминная артиллерия на самом «Рюрике». Максимальная унификация... Да еще и укрыли орудия за броневыми щитами. И транспорт явно перегружен, вон как низко сидит. Такое впечатление, Андрей Августович и впрямь воевать собрался.

Эссену все это не очень нравилось, он вообще не любил того, чего не мог понять, но давать задний ход уже не было смысла. Корабли сблизилась и мягко-мягко соприкоснулись бортами. «Рюрик» нависал над «Херсоном», однако не слишком сильно, матросы начали ловко перебрасывать трапы, заготовленные, очевидно, еще на Черном море. Похоже, там они операцию по такого рода швартовке проводили не раз и не два, все было отработано до мелочей. Кстати, и людей на «Херсоне» было много, хотя это как раз нормально.

Адмирал усмехнулся. Даже если идея с кораблем-базой окажется неудачной, вторая часть учений, на его взгляд, ку-

да важнее. Совместная отработка высадки десанта, при которой важны слаженные действия армии и флота. Необходимость подобной слаженности доказал еще великий Ушаков, небольшими силами поставивший под контроль и Черное, и Средиземное моря. Тогда и британцы предпочитали не рисковать и не связываться с русскими, и турки боялись лишний раз открыть рот. О французах, раз за разом крепко битых, и говорить нечего, не то что сейчас. И если флот не хочет всю войну отсиживаться в портах, такие учения нужны. Да и в принципе затея с плавучей базой, возможно, себя оправдает, только нужны будут для нее корабли специальной постройки, а не на скорую руку переделанные транспорты.

Задумавшись, Николай Оттович упустил момент, когда Эбергард поднялся на борт его корабля. Глядя на сухошающую фигуру черноморского адмирала, он подумал, что не зря те места считаются курортом. Вон как помолодел – сейчас ему не дать больше сорока, и двигается легко. Эссен даже немного позавидовал ему. Эбергард ведь родился на четыре года раньше его, а выглядит даже моложе Бахирева. А ведь командира «Рюрика» никто не посмел бы назвать стариком. Бодрый, подтянутый, как и положено настоящему казаку, гроза всех женщин Петербурга. Но тем не менее Эбергард и впрямь выглядел моложе любого из них. И по трапу поднялся не степенно, как положено пятидесятишестилетнему адмиралу, а едва не взлетел, что больше пристало только закончившему кадетский корпус мичману. Разве что не

улыбался, а был необычно серьезен.

– Ну, здравствуйте, Андрей Августович, – дежурно улыбнулся Эссен. Все же особо теплых чувств к Эбергарду он не испытывал.

– Здравствуйте, Николай Оттович. Ну что, приступим...

Договорить он не успел. Огромный корабль вздрогнул, как будто его ударили исполинской кувалдой. Зазвенела, как натянутая струна, толстая бронированная палуба, с воплем покатился по ней не удержавшийся на ногах матрос. Кто-то взвыл диким голосом. Крейсер тяжело качнулся, и Эссен сумел удержаться на ногах, только схватившись за поручни. И тут он увидел Эбергарда.

Черноморский адмирал стоял, широко расставив ноги, и лицо его было... Странное такое лицо, сосредоточенное и злое, как будто происходящее не являлось для него чем-то неожиданным. А может, виной тому был неяркий серовато-зеленый свет, льющийся, казалось, отовсюду. Эссен поднял голову и почувствовал самый настоящий страх.

Страх был ему знаком, как и любому нормальному человеку, однако это чувство имеет много ипостасей. Тот, который адмирал Эссен испытывал доселе, был совсем иным. Вой снарядов, сотрясающий от их ударов корабль, звон осыпающихся на палубу осколков, недавно злых и смертоносных, а теперь просто кусков горячего и противно воняющего металла... Этот страх заставлял сердце биться чаще, гоня по жилам кровь и позволяя мозгу работать холодно

и четко. И другой, дикий, высасывающий душу, тоскливый страх, когда поворачивала назад уже прорвавшаяся из артурской ловушки эскадра, когда тонул его корабль, когда сам он, вместе с экипажем и другими участниками обороны крепости, попал в японский плен. Эссен никогда и никому не признался бы в этом, но глупо врать самому себе.

Однако такого потрясения, как сейчас, Николай Оттович фон Эссен никогда не испытывал, и причины тому были. Над кораблями как будто опустился гигантский купол, от которого и исходило то самое сияние, пронизанное всполохами фиолетово-красных молний, столь огромных и частых, что непонятно было, то ли их много, то ли она одна такая, бьющая в никуда и не желающая останавливаться. Однако это были еще цветочки. Невероятно, но море тоже начало выгибаться, те участки, которые соприкасались с куполом, поднимались вверх, ему навстречу, а центр, в котором находились корабли, напротив, проваливался вниз, и создавалось впечатление, что люди оказываются в центре огромной сферы. Непонятно почему, но Эссен понял: сфера вращается, причем столь быстро, что это невозможно заметить глазом, и все же все происходило именно так. И корабли, повинаясь этому движению, тоже начали медленно-медленно разворачиваться. Страшно было даже представить, какие силы способны на такое. А потом сфера начала сжиматься, и как раз в этот момент он почувствовал тот самый приступ животного, панического ужаса. Наверное, именно так чувствует себя

мышь, попавшая в мышеловку, на которую медленно опускается грубый крестьянский лапоть. Дикий, парализующий от осознания собственного бессилия страх... А потом была яркая, режущая, кажется, не глаза, а сам мозг, вспышка, дикая боль, после чего сознание милосердно покинуло его.

Когда адмирал Эссен пришел в себя, первое, что он ощутил, было бьющее прямо в глаза яркое солнце. Это показалось неприятным и странным. С первым он справился запросто, просто-напросто прикрыв лицо ладонью. Движение получилось замедленным и отозвалось тупой болью в мышцах, но, в общем, было терпимо. А вот солнце... Эссен отчетливо помнил, что над морем сегодня висела обычная для этого времени серая хлябь. Низкие, насыщенные водой и чуть не прорывающиеся под ее тяжестью тучи, но никак не солнце. А потом пришло понимание того, что произошло, резко, как будто включился прожектор, и он рывком сел.

Вокруг было море. Собственно, а что еще он ожидал увидеть? Но это была не Балтика, Эссен мог поклясться – совсем другой цвет воды, форма волн... Да все, все другое. И не было вдали, на самом горизонте, Кронштадта. Вокруг, куда ни кинь взгляд, простирался водный простор. Странно знакомое море или... океан?

– Пришли в себя, Николай Оттович?

Эссен повернул голову на звук и увидел Эбергарда. Андрей Августович, не боясь испачкать китель, сидел, привалившись спиной к выкрашенной в серо-стальной, шаровый

цвет боевой рубке, и в глазах его была бесконечная усталость. Чуть в стороне, в такой же позе, сидел Бахирев. Михаил Коронатович выглядел немного лучше, только из носа у него текли две тонкие струйки густой, почти черной крови, которую он даже не пытался вытереть. У самого трапа навзничь лежал сигнальщик. Эссен подумал на миг, что тот мертв, но матрос пошевелился и слабо застонал.

Цепляясь за стену, Эссен поднялся, с трудом удержал равновесие, но нашел силы окинуть взглядом корабль. К его удивлению, все оказалось не так страшно, как можно было предположить. Какие бы силы ни обрушились на них, они не причинили серьезного вреда его кораблю. Во всяком случае, палуба была целой, и люди, лежащие на ней, тоже вроде бы шевелились. Правда, что творилось внизу, под толстыми броневыми палубами, в пышущих жаром кочегарках, Эссену сложно было даже представить. Однако здесь все выглядело благопристойно, хотя, конечно, для императорского смотра крейсер явно не годился – одна наполовину сорванная с талей и висящая носом вниз над морем, чудом не сорвавшаяся шлюпка чего стоит.

Если «Рюрик» выглядел относительно пристойно, то «Херсон» пострадал заметно сильнее. Никакие маты не спасли его борт от удара, и теперь на нем видна была длинная, в половину корпуса, вмятина. Швартовочные концы, очевидно, порвало, и транспорт отошел от крейсера почти на кабельтов. К счастью, повреждена была, похоже, только над-

водная часть, во всяком случае, чего-то похожего на крен у транспорта Эссен не наблюдал. Прислушался к своим ощущениям – тоже ничего особенного. «Рюрик» лежал в дрейфе, и даже качки не было – легкая зыбь не могла нарушить покой бронированного корабля водоизмещением пятнадцать с лишним тысяч тонн.

Позади раздался короткий, хриплый кашель. Николай Оттович обернулся – Эбергард уже встал на ноги и теперь помогал Бахиреву – командир «Рюрика», очевидно, не удержался на ногах, и его с размаху приложило о броню. Однако, судя по тому, что он сумел встать, и даже пошел без посторонней помощи, ничего страшного с ним не произошло. Во всяком случае, когда Михаил Коронатович начал отдавать приказы, в голосе его не было заметно никакой дрожи. И, что характерно, после сурового начальственного рыка все разом пришло в движение. Все же Бахирев умел работать грамотно и четко, при этом не свирепствуя, как многие офицеры. На корабле, что у офицеров, что у нижних чинов, он пользовался если не любовью, то уважением точно, и сейчас ему не надо было орать на весь крейсер, чтобы добиться желаемого.

– Николай Оттович, мы можем поговорить?

Эссен посмотрел на Эбергарда, подумал, что пока они все равно не могут ничего предпринять, вздохнул:

– Пойдемте, Андрей Августович. Пока Коронат разберется, какие повреждения получили корабли, думаю, у нас есть время...

Времени не оказалось. Не успели они расположиться в адмиральском салоне «Рюрика» и налить себе коньяку, как раздался короткий стук в дверь, и перед ними вновь предстал Бахирев. Пожалуй, о происшедшем напоминали только следы крови на воротнике, он был бодр, так и фонтанировал энергией. На него вообще любая встряска оказывала положительное действие. Дождавшись кивка Эссена, он прошел и сел в кресло – все они знали друг друга уже давно, вместе воевали и в приватной обстановке могли общаться, не обращая внимания на чины. На вопрос, что с кораблем, Бахирев лишь пожал плечами:

– Ничего страшного. Несколько вмятин, выбитые заклепки, но считанные, и все в надводной части корпуса. Шпангоуты вроде бы не пострадали, сейчас трюмные уточняют, смещения механизмов на первый взгляд не отмечено. Через час мне представят развернутый доклад. По «Херсону» пока неясно, но крена не отмечено, семафором передали, что все в порядке.

– Признаться, я опасался, что будет хуже, – вздохнул Эбергард. – Честно говоря, не ожидал, что все это окажется так... страшно.

– Так. – Бахирев опередил Эссена. Привстав в кресле, он внимательно посмотрел на Эбергарда. – Андрей Августович, я так полагаю, вам известно больше, чем нам? Может, поделитесь?

Это было вопиющим нарушением субординации, и лишь

такой резкий, не обращающий внимания на авторитеты и звания человек, как Бахирев, мог на него пойти. Был миноносником – миноносником и остался, со смесью неудовольствия и восхищения подумал Эссен. Всегда готов хоть к черту в зубы... Адмирал, еще помнивший мостик самого лихого крейсера русского флота, за эти годы успел пообтесаться в высоких сферах, да и годы брали свое, а вот Бахирев... Коронат – он и есть Коронат, и прозвище ему подходит больше имени-отчества.

Тем не менее Эбергард не обратил внимания на эскападу младшего по возрасту и званию офицера. Подумав несколько секунд, он встал, решительно отобрал у немного удивленного самоуправством гостя Эссена коньяк, налил его всем троим, и выцедил свою порцию до дна мелкими глотками. Подождал, когда остальные последуют его примеру, и вздохнул:

– Господа, то, что я вам сейчас расскажу, может показаться невероятным, но все это – правда...

Рассказ Эбергарда длился недолго. Правда, за это время успел прибыть старший офицер с докладом о повреждениях, но Бахирев так на него взглянул, что тот счел за лучшее испариться. То, что рассказывал им командующий Черноморским флотом, казалось невероятным, однако то, что они видели совсем недавно, уже само по себе было невозможным и настраивало на адекватное восприятие чего угодно. И когда рассказ закончился, Эссен только спросил:

– А раньше вы не могли нам этого рассказать, Андрей Августович? Нехорошо получается, право слово.

– А вы бы мне поверили? Или посоветовали бы меньше пить? А то и Григоровичу доложили? – с нескрываемой досадой спросил Эбергард.

Эссен только кивнул – старик... хотя какой он теперь старик, моложе их, наверное, был прав. Внутренние интриги флота привели бы именно к такому результату. Хотя точно так же он был прав, решив, что никто из них не против будет отомстить японцам и спасти славу русского флота. Все же зря Григорович с таким пренебрежением относился к нему, да и Макаров, не любивший Эбергарда, похоже, ошибался. Может, Андрей Августович и впрямь не самый лучший командир корабля, но планировать он умеет намного лучше других и вперед смотрит намного дальше.

– То-то мне здесь море показалось знакомым, – мрачно заметил Бахирев, рассматривая свои не по-аристократически большие, сильные руки. – Но знаете, что не дает мне покоя? Есть в вашем рассказе, Андрей Августович, заметная нестыковка.

– Какая же? – Эбергард выглядел удивленным.

– Куда вас потомки обещали перебросить? К началу войны, плюс-минус три месяца, не более. Так?

Дождавшись кивка, Бахирев встал, подошел к иллюминатору, рывком открыл его, полной грудью вдохнул свежий морской воздух и повернулся к собеседникам. Уловил их

недоуменные взгляды и зло рассмеялся:

– Это с конца октября по апрель, а здесь лето. Лето, или вы не видите? Ну, вы удивляете меня, господа адмиралы, совсем море чувствовать перестали.

Да, он был прав, и пристыженные адмиралы ненадолго замолчали. Вероятно, только шоковым состоянием после случившегося и можно было объяснить столь досадную невнимательность. Первым прервал некстати затянувшуюся паузу Эбергард:

– Возможно, где-то они ошиблись...

– Это уж точно, – ядовито усмехнулся Эссен. – И что нам теперь делать?

– Здесь все просто, – опять вмешался Бахирев. – Вначале определимся, куда мы попали. Координаты я берусь определить, а год... Остановим для досмотра первое попавшееся судно. Если идет война – замечательно, нет – извинимся, только и всего. А сейчас извините – мне надо, наконец, узнать, что у нас творится. Честь имею.

С этими словами Бахирев вышел. Эссен посмотрел на собеседника, вздохнул:

– Мне кажется, предложение Михаила Коронатовича данной ситуации – самое разумное.

– Это точно, – кивнул Эбергард. Налил еще коньяку. – Мне кажется, он очень разозлился.

– Я тоже. Но, Андрей Августович, сейчас это уже не важно. Сейчас надо делать то, ради чего мы здесь оказались, а

все остальное... Давайте уж с личным разберемся позже.

Первый корабль они обнаружили только на второй день. Может, это было и к лучшему, во всяком случае, удалось без помех оценить состояние кораблей, и оно оказалось вполне удовлетворительным. Крейсер отделался небольшими вмятинами и сорванной краской, пострадали несколько матросов, несильно — синяки, шишки, ссадины, этого никто даже не считал, хотя запасам йода был нанесен заметный урон. Более серьезную травму получил один из мичманов, который пришел на крейсер буквально за неделю до переноса. Молодого офицера сотрясение застало на трапе, и он, не удержавшись, скатился вниз и сломал руку. Хорошо еще, рентгеновский аппарат в лазарете не пострадал, и доктор смог грамотно соединить кости и наложить гипс. Теперь слегка бледный, но решительный молодой человек ползал у себя, в машинном отделении, не столько помогая, сколько доказывая себе и всем остальным, что может... И это было лучше, чем лежать на койке и мучиться от безделья и неизвестности, тем более никто на корабле не мог сказать, что произошло. Адмиралы вместе с командиром корабля хранили молчание, и кают-компания, да и матросы в кубриках могли об их планах только гадать. В целом же боеспособность крейсер сохранил, и это радовало.

«Херсону» повезло меньше. Правда, корпус транспортного корабля выдержал, и огромная вмятина, зияющая в нескольких местах рваными дырами, выглядела страшно

только внешне. На самом деле все пробоины были намного выше уровня ватерлинии, да и латать их закончили уже к утру. А вот команде досталось здесь сильнее. Пятеро погибших, в том числе четверо казаков, из которых Эбергард сформировал десантную партию, больше десятка с серьезными травмами, но в целом функции корабля обеспечения транспорт исполнять был по-прежнему в состоянии, а главное, на его скорости повреждения не сказались.

Обнаруженный корабль, по виду самый обычный транспорт, неспешно следовал на восток, держа не более восьми узлов, и русские корабли настигли его достаточно быстро. Когда их разделяло миль пять, преследуемый попытался оторваться. И без того хорошо заметный черный дым, по которому его в принципе и засекли, стал еще гуще, скорость транспорта ощутимо выросла, однако для идущего уже восемнадцатиузловым ходом крейсера это не имело значения. «Херсон» немного отставал, хотя там и могли поддерживать даже большую скорость, но насиловать машины никто не собирался. Не тот случай, они еще пригодятся. Бахирев, поднеся к глазам бинокль, удовлетворенно хмыкнул:

– Японец... Флаг виден, хотя и не слишком отчетливо.

Будто в доказательство его слов, на корме транспорта блеснула вспышка, и спустя несколько секунд, с огромным недолетом, встал невысокий фонтан воды. Судя по всплеску, калибр орудия дюйма три, не больше. Поставлено, не иначе, для самоуспокоения. Адмиралы переглянулись. Ну вот,

как минимум, одно ясно. Потомки не так уж сильно промахнулись, война еще идет, не зря же транспорт открыл огонь. Кстати, интересно даже, как его капитан определил, что за ним идут русские, ведь такого силуэта, как у «Рюрика», здесь не имеет ни один корабль. Словно отвечая на их невысказанный вопрос, ветер развернул развевающееся за кормой огромное полотнище флага. Ну, вот и ответ, такое увидеть можно и с такого расстояния, впрочем, это было уже не важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.